

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (47)

2021

Учредитель и издатель:
Бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-63200 от 1 октября 2015 г.

Издается с марта 2000 г.
Выпускается 2 раза в год.

Главный редактор:
С. М. Косенок, д-р пед. наук, профессор

Редакционная коллегия:
Абрамовских Н. В., д-р пед. наук, профессор
Баканов С. А., д-р ист. наук, доцент
Бахмутский А. Е., д-р пед. наук, профессор
Гагай В. В., д-р психол. наук, профессор
Исаев В. И., д-р ист. наук, профессор
Исупов В. А., д-р ист. наук, профессор
Ищенко О. В., д-р ист. наук, профессор
Карпов В. П., д-р ист. наук, доцент
Кириллюк Д. В., канд. ист. наук, доцент
Лашкова Л. Л., д-р пед. наук, доцент
Логвин В. Н., д-р ист. наук, профессор
Насырова Э. Ф., д-р пед. наук, профессор
Повзун В. Д., д-р пед. наук, профессор
Прищепа А. И., д-р ист. наук, профессор
Пузанов В. Д., д-р ист. наук, профессор
Разуваева Т. Н., д-р психол. наук, профессор
Семенов Л. А., д-р пед. наук, профессор
Синявский Н. И., д-р пед. наук, профессор
Солодкин Я. Г., д-р ист. наук, профессор
Степанова Г. А., д-р пед. наук, профессор
Хадынская А. А., канд. филол. наук, доцент
Яковлев Б. П., д-р психол. наук, профессор

Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции законодательного регулирования развития гражданского общества в России».

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки на сайте elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции:
628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-29-88, факс (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgu.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрienко А. И. Развитие института общественных объединений за рубежом	4
Белицкая А. В. Взаимодействие норм налогового и гражданского права в отдельных аспектах регулирования предпринимательской деятельности	8
Гребнева Н. Н. Прокурорский надзор за законностью возбуждения уголовных дел по фактам хищений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий	13
Мизелифова Э. А. Применение системы электронного голосования в ходе проведения праймериз	16
Налбандян Е. Л. Отдельные аспекты правоотношений ветровладельцев при эксплуатации железнодорожных путей необщего пользования	18
Попова Л. А. Проблемы организации и проведения независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов	23
Сурихин П. Л. Преступление: функциональная модель системы	26
Усольцев Ю. М., Усольцева Н. А. Метаданные электронного сообщения как электронное доказательство в уголовном процессе	29
Усольцева Н. А., Усольцев Ю. М. Проблемы идентификации высокоавтоматизированного транспорта как элемента транспортной системы России	35
Чарковская Н. И., Шарушинская О. В. Частные и публичные интересы в правовом регулировании платформы «знай своего клиента»: охрана и нарушение	39
Сведения об авторах	43
Требования к оформлению материалов	45

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.728

DOI 10.34822/2312-377X-2021-1-4-7

*Андрюенко А. И.**Andrienko A. I.*

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЗА РУБЕЖОМ

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF PUBLIC ASSOCIATIONS ABROAD

В статье рассмотрен путь развития общественных объединений в США, Великобритании и Германии, выделяются те сферы правового регулирования, которые в России находятся на начальном этапе развития, предлагается исследовать опыт зарубежных государств, уже прошедших данный путь. Основная черта, объединяющая опыт четырех рассматриваемых государств – это постепенная передача социальных услуг общественным объединениям.

The article examines the path of development of public associations in the USA, Great Britain and Germany. Areas of legal regulation that are at the initial stage of development in Russia are highlights. It is proposed to study the experience of foreign countries that have passed this path earlier. The main feature that unites the experience of the four states under consideration is the gradual transfer of social services to public associations.

Ключевые слова: общественные объединения, некоммерческие организации, третий сектор, социально ориентированные некоммерческие организации

Key words: public associations, non-profit organizations, third sector, socially oriented non-profit organizations.

В мире нет единообразного понятия общественных объединений и некоммерческих организаций. Общественные объединения – понятие государств Восточной Европы. Исторической особенностью России является то, что с 1990-х г. практически с нуля начинается развитие института общественных объединений и некоммерческих организаций. Учитывая небольшой период развития института общественных объединений в России, интересна зарубежная практика правового регулирования их деятельности. В данной работе понятия «общественные объединения», «некоммерческие организации», «третий сектор» будут использоваться для обозначения объединений граждан и юридических лиц, реализующих конституционное право на объединение.

Законодательство Соединенных Штатов Америки о некоммерческих организациях формировалось довольно сложно. О праве на объединение и создание общественных объединений говорится лишь косвенно в I поправке к Конституции США. Прямо же в Основном законе Соединенных Штатов Америки право на объединение не закреплено. Более того, вопросы создания и деятельности некоммерческих организаций являются предметом ведения штатов. Федерация приняла закон об отдельной организационно-правовой форме некоммерческого юридического лица, правовое регулирование деятельности которого осуществлялось как федеральным законом, так и законом штата о некоммерческой корпорации, на территории которого было создано объединение. На федеральном уровне в США приняты законы «О некоммерческой корпорации» 2008 года и «О некоммерческой ассоциации» 1996 года. Также были приняты Единообразный закон о незарегистрированных некоммерческих ассоциациях (Uniform Unincorporated Nonprofit Association Act) в 1992 году (действует в редакции 2011 г.) и модельный акт для штатов Model Nonprofit Corporation Act. Данные акты регламентируют статус некоммерческих корпораций законодательством большинства штатов, конкурируя друг с другом. 12 сентября 2013 г. Конгресс США принял резолюцию «О при-

знании полезности и необходимости некоммерческих организаций» и поддержал предложения об объявлении 16 мая 2014 г. днем «Некоммерческих организаций».

Таким образом, учитывая специфику американского законодательства, мы говорим о довольно непростом правовом регулировании положения некоммерческих организаций США. Несмотря на это развитие третьего сектора в США было довольно успешным. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что негосударственные организации создавались переселенцами задолго до провозглашения независимости США. В середине XIX века Алексис де Токвиль отмечал: «Как только несколько человек в Соединенных Штатах приходят к какой-то идее, которую хотят продвинуть, они начинают искать друг друга, и как только им удастся наладить контакты между собой, они объединяются. Начиная с этого момента они уже не одиночки, а заметная сила, деятельность которой служит примером для других и слова которой будут услышаны» [1]. Несовершенство правового регулирования компенсируется привычкой граждан США объединяться ради достижения общих целей.

Хронология становления и развития некоммерческих организаций в США может быть представлена в следующем виде:

1) В 1930-е годы начинается формирование сектора некоммерческих организаций в его современном понимании. Объединения граждан вовлекаются в деятельность по оказанию социальных услуг. Государство расширяет объем финансовой помощи объединениям;

2) в 1950-е годы некоммерческие организации США увеличивают финансирование из частных пожертвований, из эндаументов (фондов целевого капитала). Государственное финансирование сохраняется, но в меньшем объеме, чем ранее;

3) в 1960-е годы негативный опыт самостоятельного финансирования некоммерческих организаций США приводит к возвращению к государственной поддержке, возможности по оказанию социальных услуг объединениями гражданам расширяются;

4) к 1970-м сформирован блок профессиональных некоммерческих организаций в сфере оказания социальных услуг, государство передает большой объем услуг на аутсорсинг данным организациям, обеспечивая данную деятельность выделением субсидий;

5) в 1980-е годы тенденция к передаче все большего объема социальных услуг третьему сектору сохраняется. Создаются специальные некоммерческие организации, призванные координировать взаимоотношения государства и объединений граждан. Поддержка объединений оказывается государством на конкурсной основе. Определенные сферы социальных услуг передаются государством полностью некоммерческому сектору, что обусловлено в первую очередь отличной репутацией некоммерческих организаций в данной сфере оказания услуг;

6) конец 1980-х – 1990-е годы возвращают развитие третьего сектора к самостоятельному финансированию. Государственные программы поддержки НКО сокращаются, что влияет на увеличение доли коммерческой деятельности объединений. При этом государство предоставляет налоговые льготы некоммерческим организациям. В связи с тем, что к этому времени сформировалось сильное профессиональное сообщество некоммерческих организаций, государство поддерживает конкуренцию между ними для дальнейшего развития третьего сектора;

7) в 2000-е годы продолжается тенденция профессионализации третьего сектора. Некоммерческие организации используют различные стратегии, применяемые коммерческими юридическими лицами.

Характеризуя деятельность государства в отношении третьего сектора США, мы приходим к выводу, что государственное регулирование в данной сфере было последовательным и активным, за 80 лет сформировался сильный профессиональный третий сектор, ориентированный на участие в оказании социальных услуг, обеспечивающий себя самостоятельно.

Положение третьего сектора Великобритании во многом схоже с положением объединений граждан в США. При этом, регулирование взаимодействия государства и некоммерческих организаций Великобритании проходило не так системно, как в США.

В XIX веке объединения граждан обеспечивали свою деятельность самостоятельно, государство лишь создавало условия для их формирования.

В 1950–1990 годах Великобритания стремилась к созданию «государства всеобщего благосостояния», поэтому роль некоммерческих объединений в оказании социальной помощи была минимальна.

Лишь с 1980-х началась передача третьему сектору возможностей оказания социальных услуг, в этом же периоде государство увеличило объем финансовой помощи.

В 1990-е годы стало понятно, что третий сектор справляется с задачей по решению социальных проблем. В связи с этим государство смягчило налоговое бремя для некоммерческого сектора, стало поддерживать благотворительную деятельность.

В 2000-е годы завершилась передача третьему сектору функций по оказанию социальных услуг. Финансирование данной деятельности осуществляется государством. При этом некоммерческие объединения Великобритании сохраняют самостоятельность, действуют в тех сферах, в которых не участвует государство.

Третий сектор Германии начал свое развитие в XIX веке с появления организаций взаимопомощи, созданных католической и протестантской церквями [4]. Организационно-правовые формы объединений граждан в Германии делятся на членские объединения и нечленские организации [3]. Самая распространенная форма – первая. Третий сектор Германии неоднороден, отличия проявляются в уровне финансовой самостоятельности, зависимости от государственной поддержки, определения внутренней структуры организации. Кроме того, объединения Западной Германии активнее, чем Восточной Германии. С 1980 года стала набирать популярность такая организационно-правовая форма, как фонды. К началу 2000-х годов Германия стала вторым после США государством, где фонды имеют значительный вес в развитии третьего сектора.

В 1970-х годах государство через систему грантов поддерживало ассоциации, которые были монополистами в определенной сфере [5, с. 85–131]. Такие организации имели строгую иерархическую структуру, их количество ограничивалось.

В 1980–1990-х годах в связи с экономическим кризисом Германия переходит на систему возмещения понесенных некоммерческими организациями затрат на оказание социальных и медицинских услуг [6, с. 114–125].

В 1990-х годах степень государственного регулирования сектора социальных услуг уменьшается, основным источником финансовой поддержки некоммерческих организаций становятся выплаты грантов на конкурсной основе. Ассоциации благосостояния в данный период теряют свое превосходство над иными формами объединений граждан.

В настоящее время взаимодействие государства и некоммерческих объединений Германии складывается по большей части вокруг социальных услуг. Положение третьего сектора, как мы видим, похоже с положением в США и Великобритании.

США и Великобритания относятся к государствам англо-саксонской правовой семьи, Германия и Россия – романо-германской правовой семьи, что накладывает свой отпечаток на возможность использования опыта других стран: в какой мере и как государство может поддерживать общественные объединения? какие меры оказались действенными, а какие привели к негативным результатам? и т. д.

Так, с 2014 года с принятием Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ [2] социально ориентированные некоммерческие организации (которые могут быть и общественными объединениями) вошли в систему социального обслуживания и на конкурентной основе оказывают социальные услуги. В Германии и Великобритании на возмещение затрат НКО на оказание социальных услуг перешли в 1980-х. В США уже в 1930-х государство стало поддерживать НКО, оказывающие социальные услуги, а в 1960-х годах началось расширение государственной поддержки. Таким образом, опираясь на опыт США, Великобритании и Германии, мы можем прогнозировать дальнейшее развитие участия общественных объединений в оказании социальных услуг в Российской Федерации. В нашем государстве этот институт находится на начальной стадии своего развития.

В США, Великобритании и Германии некоммерческий сектор развивался с конца XIX – начала XX века. Эволюция правового регулирования в данных странах происходила без резких изменений, законодателем учитывались ошибки, изменения правового регулирования носили точечный характер. Взаимодействие некоммерческих организаций с государством, выстраивание взаимоотношений проходило путем проб и ошибок, которые отражались в законодательстве. Также стоит отметить, что в каждом государстве есть своя специфика правового

регулирования взаимодействия некоммерческих организаций и органов власти, обусловленная историческим развитием. При этом прослеживается общий вектор развития законодательства об общественных объединениях и некоммерческих организациях в части все большего их вовлечения в сферу оказания социальных услуг. Опыт иностранных государств в этой сфере будет очень полезен для российского законодательства.

Литература

1. Макфол М. Гражданское общество в Соединенных Штатах. URL: www.m-mcfaul.livejournal.com/14454.html (дата обращения: 10.05.2021).
2. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федер. закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 7007.
3. Anheier H., Seibel W. The nonprofit sector in Germany: Between State, Economy and Society. Manchester : Manchester University Press, 2001.
4. Bermeo N., Nord Ph. (eds.). Society before Democracy: Lessons from Nineteenth-Century Europe. Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, 2000.
5. Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // Pike F., Stritch T. (eds.). The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. London: University of Notre Dame Press, 1974.
6. Zimmer A. Corporatism Revised. The Legacy of History and the German Nonprofit Sector // Anheier H., Kendall J. (eds.). Third Sector Policy at the Crossroads. An International Non-profit Analysis. New York : Routledge, 2001.

УДК 34.05

DOI 10.34822/2312-377X-2021-1-8-12

Белицкая А. В.
Belitskaya A. V.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМ НАЛОГОВОГО
И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

***INTERACTION OF TAX AND CIVIL LAW
IN CERTAIN ASPECTS OF BUSINESS REGULATION***

Настоящая статья посвящена исследованию соотношения норм налогового и гражданского права по отдельным вопросам регулирования предпринимательской деятельности. В частности, рассмотрены вопросы регулирования исключения недействующих юридических лиц, предъявление гражданских исков в целях взыскания задолженности по налогам и сборам, очередности удовлетворения требований кредиторов.

The article is devoted to the study of the issue of the relationship between the norms of tax and civil law on certain issues of regulation of entrepreneurial activity. The issues of exclusion of inactive legal entities, filing of civil claims, priority of satisfaction of creditors' claims were considered.

Ключевые слова: налоговое право, гражданский иск, юридические лица.

Keywords: tax law, civil action, legal entities.

Взаимодействие норм налогового и гражданского права неоднократно становилось предметом диссертационных исследований. Обусловлено данное обстоятельство тем, что при исследовании указанного взаимодействия в разрезе институтов права следует учитывать и само разнообразие отношений, возникающих в сфере экономики.

Между тем, положениями п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс) [1] определено, что гражданское законодательство не применяется к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным правоотношениям, если иное не предусмотрено законодательством.

При этом процедура взимания налогов занимает особое место в предпринимательской деятельности ввиду значительного влияния налогообложения на частную сферу.

Рассмотрим ряд направлений, в которых, несомненно, прослеживается взаимодействие институтов гражданского и налогового права, в том числе в части реализации процедур принудительного взыскания задолженности по налогам и сборам.

В качестве первого направления следует отметить возможность применения к налоговым правоотношениям института гражданского права, связанного с возмещением имущественного вреда, причиненного бюджету вследствие налогового преступления.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлениях от 24.03.2017 № 9-П, от 08.12.2017 № 39-П [4, 5] пришел к выводу о том, что при действующем правовом регулировании не исключается возможность применения положений гражданского законодательства в целях обеспечения имущественных интересов стороны налоговых отношений, нарушенных неправомерными действиями (бездействием) другой стороны.

При этом применение положений ст. 1064 Гражданского кодекса не может быть произвольным и должно соотноситься с особенностями налоговых отношений в целях обеспечения баланса публичных и частных интересов. В связи с чем механизм предъявления гражданского иска в целях возмещения ущерба, причиненного налоговым преступлением, может быть реализован в соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации лишь после исчерпания налоговыми органами мер принудительного взыскания, предусмотрен-

ных ст. 46, 76, 77 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – Налоговый кодекс) [2], использования возможности привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника, завершения процедуры несостоятельности (банкротства). Кроме того, подлежат анализу сведения: об имуществе, принадлежащем должнику; движении денежных средств по расчетным счетам; иных фактических обстоятельствах, свидетельствующих о том, что юридическое лицо фактически не осуществляет деятельность, несмотря на то, что оно не исключено из Единого государственного реестра юридических лиц.

Сам факт поступления налоговых платежей в бюджет на основании публично-правовых (налоговых) норм не предполагает правового регулирования отношений по поводу возмещения ущерба, причиненного бюджету, лишь посредством норм Налогового кодекса Российской Федерации.

В качестве второго направления хотелось бы отметить вопрос правового регулирования исключения недействующих юридических лиц из Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ).

Налоговые органы определены Правительством Российской Федерации как органы, осуществляющие государственную регистрацию и реализующие положения Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ [3]. В соответствии с положениями ст. 64.2 Гражданского кодекса юридическое лицо считается прекратившим свою деятельность и подлежит исключению из ЕГРЮЛ, если в течении двенадцати месяцев, предшествующих исключению из указанного реестра, юридическое лицо не представляло отчетность, предусмотренную законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету.

Как следует из положений гражданского законодательства, при наличии одновременно указанных признаков недействующего юридического лица регистрирующий орган принимает решение о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ.

Хотелось бы отметить, что наличие лишь указанных формальных критериев не может служить объективным основанием для исключения из ЕГРЮЛ. Так, на наш взгляд, подлежат дополнительно учету такие обстоятельства, как наличие задолженности по налогам и сборам, наличие административных и уголовных дел, наличие признаков банкротства. Исключение юридического лица из ЕГРЮЛ влечет списание задолженности по налогам и сборам, что препятствует дальнейшей реализации процедур взыскания.

Кроме того, согласно позиции ФНС России, изложенной в письме от 02.04.2019 № ГД-18-14/208@, регистрирующим органом не принимается решение о предстоящем исключении при наличии сведений о возбуждении производства по делу о банкротстве юридического лица, а также проводимых в отношении юридического лица процедурах, применяемых в деле о банкротстве.

В качестве третьего направления следует отметить правовое регулирование очередности удовлетворения требований кредиторов при ликвидации юридического лица.

Порядок ликвидации юридических лиц, в том числе порядок определения очередности погашения требований кредиторов ликвидируемого юридического лица установлен положениями ст. 61–64 Гражданского кодекса. Данные нормы устанавливают императивные, универсальные для всех участников оборота порядок и правила ликвидации юридического лица.

Задолженность по обязательным платежам в бюджет и внебюджетные фонды в соответствии с п. 1 ст. 64 Гражданского кодекса подлежит погашению в третью очередь.

При этом действующее налоговое законодательство не содержит прямого запрета на выставление требований по бесспорному взысканию налогов и сборов, пени и штрафов в период нахождения налогоплательщика в процессе добровольной ликвидации.

Письмом ФНС России от 11.07.2016 № ГД-4-8/12408 до сведения налоговых органов доведена позиция Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в определении от 21.03.2016 307-КГ16-960, а также письмо Министерства финансов Российской Федерации от 17.05.2016 № 03-02-07/2/28207 по вопросу очередности списания пени по поручениям налогового органа на списание и перечисление денежных средств со счетов налогоплательщика (плательщика сбора, налогового агента), а также поручениям налогового органа на пе-

ревод электронных денежных средств налогоплательщика (плательщика сбора, налогового агента) в бюджетную систему Российской Федерации.

Из правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в определении от 21.03.2016 № 307-КГ16-960, согласно которой из содержания п. 2 ст. 855 Гражданского кодекса следует, что очередность списания средств в уплату налогов зависит от того, списываются ли они в добровольном или принудительном порядке. При этом п. 1, 8 ст. 45 и п. 1, 8 ст. 46 Налогового кодекса Российской Федерации установлено, что обязанность по уплате налогов и пеней исполняется налогоплательщиком либо самостоятельно, либо в принудительном порядке по решению налогового органа путем обращения взыскания на денежные средства на банковских счетах, а также на электронные денежные средства этого налогоплательщика.

В Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.08.2014 по делу № А67-6056/2013 указано, что приостановление операций по счету не распространяется на платежи, очередность исполнения которых в соответствии с гражданским законодательством предшествует исполнению обязанности по уплате налогов и сборов.

При этом каких-либо ограничений при принятии решений налоговым органом о приостановлении операций по счетам налогоплательщиков, находящихся в процессе добровольной ликвидации, статьи 49, 76 Налогового кодекса не устанавливают.

В качестве четвертого направления целесообразно обратить внимание на оценку налоговых рисков при осуществлении предпринимательской деятельности.

Юридические лица, самостоятельно выбрав себе контрагента и действуя по своей воле и в своих интересах, свободно устанавливают права и обязанности, при этом должны нести гражданско-правовую ответственность в ходе своей коммерческой деятельности.

В соответствии с Положением о Федеральной налоговой службе, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 № 506, Федеральная налоговая служба (далее – ФНС России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов, сборов и страховых взносов, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет иных обязательных платежей, за производством и оборотом табачной продукции, за применением контрольно-кассовой техники, а также функции органа валютного контроля в пределах компетенции налоговых органов.

Налог на добавленную стоимость является косвенным налогом, принятие счета-фактуры к вычету является правом, а не обязанностью налогоплательщика.

Согласно п. 1 ст. 23 Налогового кодекса налогоплательщики обязаны уплачивать законно установленные налоги. Данная обязанность в силу п. 1 ст. 45 Налогового кодекса должна быть исполнена налогоплательщиком самостоятельно.

Из положений главы 21 Налогового кодекса следует, что налог на добавленную стоимость (далее – НДС) представляет собой изъятие в бюджет части добавленной стоимости, создаваемой на всех стадиях производства, и определяется как разница между суммами налога со стоимости реализованных услуг и суммами налога, уплаченного поставщику за данные услуги.

В соответствии с п. 1 ст. 146 Налогового кодекса объектом налогообложения НДС признается реализация товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации, в том числе реализация предметов залога и передача товаров (результатов выполненных работ, оказание услуг) по соглашению о предоставлении отступного или новации, а также передача имущественных прав.

Налогоплательщик имеет право уменьшить общую сумму налога, исчисленную в соответствии со ст. 166 Налогового кодекса, на установленные ст. 171 Налогового кодекса налоговые вычеты.

Налоговые вычеты, предусмотренные ст. 171 Налогового кодекса, производятся на основании счетов-фактур, выставленных продавцами при приобретении налогоплательщиком товаров (работ, услуг), имущественных прав, документов, подтверждающих фактиче-

скую уплату сумм налога при ввозе товаров на таможенную территорию Российской Федерации, документов, подтверждающих уплату сумм налога, удержанного налоговыми агентами, либо на основании иных документов в случаях, предусмотренных п. 3, 6–8 ст. 171 Налогового кодекса.

В соответствии со ст. 169 Налогового кодекса документом, служащим основанием для принятия предъявленных сумм налога к вычету, является счет-фактура. При этом все сведения, содержащиеся в счете-фактуре, предусмотренные п. 5 ст. 169 Налогового кодекса, должны быть достоверны.

Из содержания указанных выше правовых норм следует, что документы, представляемые налогоплательщиком для подтверждения правомерности предъявления сумм НДС к вычету, должны содержать сведения, позволяющие впоследствии налоговому органу определить достоверность осуществления хозяйственной операции налогоплательщика с конкретным контрагентом.

Таким образом, анализ положений гл. 21 Налогового кодекса в их взаимосвязи позволяет признать, что документальное обоснование права на налоговый вычет суммы НДС, уплаченной налогоплательщиком контрагенту при приобретении товара, лежит на налогоплательщике (постановление Президиума ВАС РФ № 14473/10 от 09.03.2011).

В силу указанных обстоятельств, вступая в гражданско-правовые отношения, налогоплательщикам следует учитывать риски, обозначенные в общедоступной концепции планирования выездных налоговых проверок. Кроме того, налогоплательщики могут изучать информацию о своих контрагентах с помощью специально созданных сервисов ФНС России.

Налогоплательщикам рекомендуется при оценке налоговых рисков, которые могут быть связаны с характером взаимоотношений с контрагентами, исследовать среди прочих следующие признаки: отсутствие документального подтверждения полномочий руководителя компании-контрагента (его представителя), копий документа, удостоверяющего его личность, отсутствие информации о фактическом месте нахождения контрагента, производственных и (или) торговых площадей, отсутствие информации о государственной регистрации контрагента в ЕГРЮЛ, отсутствие очевидных свидетельств возможности реального выполнения контрагентом условий договора, а также наличие обоснованных сомнений в возможности реального выполнения контрагентом условий договора с учетом времени, необходимого на доставку или производство товара, выполнение работ или оказание услуг.

Также на сайте ФНС России размещаются сведения об адресах, указанных при государственной регистрации в качестве места нахождения несколькими юридическими лицами (так называемыми адреса «массовой» регистрации, характерные, как правило, для «фирм-однодневок»), наименования юридических лиц, в состав исполнительных органов которых входят дисквалифицированные лица.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что налоговое и гражданское законодательство существуют и должны развиваться в тесной взаимосвязи. Налоговое право регулирует достаточно специфические правоотношения, которые берут свое начало в сфере экономики, основывающейся на принципах гражданского права.

Как справедливо отмечает С. А. Кажлаев [6], межотраслевое взаимодействие норм налогового и гражданского законодательства в единой правовой системе не исключает возможности применения правовых средств межотраслевого характера в целях регулирования конкретных сфер общественных отношений. Общеметодологический подход к межотраслевому применению норм различных отраслей права формируется решениями Конституционного Суда Российской Федерации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон Рос. Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 октября 1994 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон Рос. Федерации от 31.07.1998 № 156-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16 июля

1998 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 17 июля 1998 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федер. закон Рос. Федерации от 08.08.2001 № 129-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 13 июля 2001 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 20 июля 2001 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапланова : постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 № 9-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Кажлаев С. А. О межотраслевых связях финансового права с учетом практики Конституционного Суда Российской Федерации // Право и экономика. 2020. № 1. С. 68–79.

Гребнева Н. Н.
Grebneva N. N.

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ
ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ФАКТАМ ХИЩЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**PROSECUTOR'S SUPERVISION OF THE LEGALITY OF INITIATION
OF CRIMINAL CASES ON THE FACTS OF THEFT COMMITTED WITH
THE USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES**

Автор исследует вопросы осуществления прокурорского надзора за правильной квалификацией при возбуждении уголовных дел органами предварительного расследования по двум конкурирующим составам преступлений: кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств и мошенничества с использованием электронных средств платежа; проводит анализ конкретных уголовных дел и статистических данных по преступлениям исследуемой группы.

The author touches upon the issues of prosecutor's supervision over the correct qualification by the preliminary investigation bodies of criminal cases in two competing offenses: theft committed from a bank account, as well as in relation to electronic money and fraud using electronic means of payment; analyzes specific criminal cases and statistical data on the crimes of this group.

Ключевые слова: прокуратура, мошенничество, кража, безналичные денежные средства, платежная карта, уголовное дело.

Keywords: prosecutor's office, fraud, theft, non-cash funds, payment card, criminal case.

23 апреля 2018 г. в ст. 158 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [9] были внесены дополнения, а ст. 159.3 УК РФ законодатель несколько изменил. В части третьей ст. 158 УК РФ появился пункт «г», определяющий уголовную ответственность за совершение кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ) [5]. С этого момента у следователей (в редких случаях у дознавателей при возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ) начались проблемы с правильной квалификацией действий злоумышленников при возбуждении уголовных дел. Эти проблемы приобрели российские масштабы и вышли за пределы деятельности практических работников, становясь темой обсуждения научно-практических конференций. Так, 9 апреля 2021 г. в Московском государственном юридическом университете им. О. Е. Кутафина была проведена III бизнес-конференция «Новое экономическое уголовное право», которая включала в себя теоретическую и практическую сессии. На практической сессии ученые, адвокаты, следователи рассматривали вопросы правильной квалификации экономических преступлений, в том числе краж и мошенничества.

Среди ученых, изучающих вопросы экономической преступности, следует в первую очередь выделить И. А. Клепицкого и его монографию «Новое экономическое уголовное право» [3]. Непосредственно вопросам разграничения составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ, посвятили свои научные труды такие ученые-правоведы, как С. В. Скляр [8], С. И. Буз [1], С. А. Петров [6] и др. Проблемам низкой раскрываемости преступлений, совершенных в сфере телекоммуникации с использованием сотовой связи и Интернета, уделил особое внимание А. Р. Напсоков [4].

Объектом настоящего исследования являются уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в ходе проведения прокурорского надзора за законностью возбуждения следователями (дознавателями) уголовных дел исследуемой категории.

Обратимся к статистическим данным о преступлениях экономической направленности, совершенных на территории ХМАО-Югры. Так, за 7 месяцев 2020 г. на территории округа зарегистрировано 3 086 преступлений, предусмотренных ст. 159–159.6 УК РФ. Прирост по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. составил 64,1 %. Из общего числа зарегистрированных мошенничеств по ст. 159.3 УК РФ совершено 827 преступлений, что составило 26,8 %. Прирост преступлений по ст. 159.3 УК РФ по сравнению с 2019 г. составил 1 064,8 %. По п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в округе зарегистрировано 709 преступлений, прирост составил 27,3 % [2]. Почти все указанные выше преступления остаются в округе нераскрытыми.

В августе-сентябре 2020 г. прокуратурой Ханты-Мансийского автономного округа – Югры были проведены проверки, по итогам которых осуществлен анализ статистических данных о хищениях, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий. На основании проведенного анализа установлено, что только в июне 2020 г. следственными органами округа была изменена квалификация более 500 преступных деяний с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ст. 159.3 УК РФ.

По большинству изученных прокуратурой уголовных дел о совершении указанных преступлений фактически обман был направлен на получение конфиденциальной информации для получения доступа к банковскому счету, при помощи которой в дальнейшем тайно производились операции по изъятию денежных средств. Соответственно такие противоправные деяния должны квалифицироваться по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и решения об изменении квалификации на ст. 159.3 УК РФ приняты органами предварительного следствия преждевременно.

В связи со сложной криминогенной обстановкой в сфере хищений чужого имущества прокурор ХМАО-Югры указал всем подчиненным прокурорам городов и районов округа дополнительно проверить правильность квалификации действий виновных лиц по возбужденным по ст. 158 и 159.3 УК РФ уголовным делам.

В процессе правильной квалификации общественно-опасных деяний должны помогать разъяснения Верховного Суда РФ. В п. 2 и 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» определено, что «если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа. В случаях, когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража» [7].

Таким образом, обман может быть использован виновным лицом как при мошенничестве, так и при краже. Необходимо разграничивать данные действия при совершении указанных видов хищений. При мошенничестве обман является способом совершения преступления, а при краже используется только для облегчения доступа к имуществу, при этом оно изымается тайно.

Так, например, при совершении хищения денежных средств с банковского счета виновный, осуществляя свои действия тайно, используя обман, получает доступ к электронному средству платежа путем сообщения самим собственником карты конфиденциальной информации (номера или кода банковской карты). Если в момент изъятия денежных средств с банковского счета эти действия не станут очевидными для владельца, содеянное следует квалифицировать как кражу. Следовательно, этот момент надо точно устанавливать при проведении следственной проверки, осуществляя опрос заявителя (собственника банковской карты).

Проведем анализ конкретных уголовных дел на предмет законности их возбуждения по соответствующей статье УК РФ. Так, по уголовному делу № 2020/46225/49, возбужденному по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ, потерпевшая указала, что была введена в заблуждение мужчиной, который по телефону представился сотрудником банка и сообщил, что необходимо срочно пресечь несанкционированные операции по осуществлению перевода безналичных денежных средств с ее банковской карты. Она сообщила мужчине номер своей банковской

карты и код CVV/CVC. После разговора, зайдя в мобильное приложение, она обнаружила, что с ее счета списаны деньги. Однако же сведений о том, что действия виновного были очевидны для потерпевшей, но под воздействием обмана она не препятствовала их осуществлению, следователем установлено не были.

По уголовному делу № 2019/02762/25, возбужденному следователем по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, потерпевший показал, что о списании денежных средств со своей карты узнал из поступивших смс-сообщений, при этом никаких сведений о данных карты посторонним лицам он не передавал, списание денежных средств с банковского счета осуществлялось тайно. При наличии таких показаний следователь все же осуществил переквалификацию деяния на ч. 2 ст. 159.3 УК РФ. Действия следователя следует считать незаконными и необоснованными.

Таким образом, анализ приведенной выше информации позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, работа следственных и оперативно-розыскных отделов органов внутренних дел округа по раскрытию и расследованию краж и мошенничества является крайне неэффективной. Специализированные следственные подразделения, образованные в территориальных органах для расследования экономических преступлений, поставленные перед ними задачи в полной мере не выполняют. Во-вторых, следователи должны при проведении опросов и допросов потерпевших по уголовным делам исследуемой категории точно устанавливать, каким образом и в какой момент потерпевший узнал об обмане или понял, что его обманули. Выяснение этого момента позволит правильно квалифицировать преступление уже на этапе возбуждения уголовного дела. В-третьих, органам прокуратуры следует усилить контроль за правильностью квалификации действий виновных лиц при возбуждении уголовных дел по п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ.

Литература

1. Буз С. И. Отграничение кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств от мошенничества с использованием электронных средств платежа // Юрист-правоведъ. 2020. № 4 (95). С. 59–64.
2. Информационное письмо прокуратуры ХМАО-Югры от 02.09.2020 г. № 11-21-2020.
3. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право : моногр. М. : Проспект, 2021. 1324с.
4. Напсоков А. Р. Проблемы организации деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств и краж с банковских карт // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 4. Т. 13. С. 262–264.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 25 апреля 2018 г. № 111-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 апреля 2018 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 18 апреля 2018 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Петров С. А. Проблемы квалификации хищений безналичных денег // Законность. 2020. № 7(1029). С. 42–45.
7. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Складов С. В. К вопросу о конкуренции норм, предусматривающих уголовную ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, и мошенничество с использованием электронных средств платежа // Вестн. ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2019. № 4 (72). С. 17–22.
9. Уголовный кодекс РФ : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 342.843.5

DOI 10.34822/2312-377X-2021-1-16-17

Мизелифова Э. А.
Mizelifova E. A.

ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРАЙМЕРИЗ

APPLICATION OF THE ELECTRONIC VOTING SYSTEM DURING THE PRIMERISES

В статье определено понятие предварительного голосования (праймериз) и рассмотрена нормативная основа его проведения, проанализирован порядок проведения предварительного голосования в электронном виде, рассмотрена практика применения электронного предварительного голосования и перспективы дальнейшего развития электронного голосования на выборах.

The article defines the concept of preliminary voting (primaries) and considers the regulatory framework for its conduct, analyzes the procedure for conducting preliminary voting in electronic form, considers the practice of using electronic preliminary voting and the prospects for the further development of electronic voting in elections.

Ключевые слова: предварительное голосование, праймериз, внутрипартийные выборы, электронное предварительное голосование.

Keywords: preliminary voting, primaries, intraparty elections, electronic preliminary voting.

Предварительное голосование (праймериз) или так называемые «внутрипартийные выборы» могут быть организованы и проведены различными политическими партиями. Но самый распространенный – это праймериз, который проводится Всероссийской политической партией «ЕДИНАЯ РОССИЯ» (далее – Партия) и ее структурными подразделениями.

Перед проведением предварительного голосования Партия утверждает соответствующее положение о порядке проведения предварительного голосования. В связи с тем, что в 2021 г. проводятся избирательные кампании на всех уровнях власти, Партией было утверждено три положения:

1. «О порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 01.03.2021 [1].

2. «О порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» кандидатами в депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 01.03.2021 [2].

3. «О порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» кандидатами в депутаты представительных органов муниципальных образований и на иные выборные должности местного самоуправления» от 01.03.2021 [3].

Согласно данным положениям, понятие предварительного голосования можно рассматривать как комплекс мероприятий, проводимых партией «ЕДИНАЯ РОССИЯ» и/или ее структурными подразделениями, действующими на территории соответствующего субъекта РФ и/или соответствующего муниципального образования, по определению кандидатур для последующего выдвижения кандидатами в депутаты законодательных и представительных органов власти и на иные выборные должности [1–3].

Вышеуказанные положения регулируют порядок проведения электронного предварительного голосования. Впервые в электронном виде праймериз проходил в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса, но эксперименты проводились и ранее. Явка составила 5,07 %

от общего числа избирателей. Всего в качестве выборщиков зарегистрировались более 1,1 млн человек [4]. Голосование проходило с 25 по 31 мая 2020 г. Защита персональных данных была обеспечена с помощью технологии блокчейн. Как таковых проблем с нарушением тайны голосования на праймериз выявлено не было. Технология блокчейн в зарубежных странах зарекомендовала себя как защищенную систему, применяемую не только в избирательном законодательстве, но и в других сферах жизнедеятельности, связанных с информационными технологиями. Технология блокчейн при проведении электронного голосования является на данный момент единственной системой, обеспечивающей анонимность волеизъявления граждан. В этом году также было принято решение проводить предварительное голосование в электронном формате, но при этом субъектам Российской Федерации предоставлена возможность в последний день электронного голосования проводить очное голосование. Само голосование будет проходить с 24 по 30 мая 2021 года. В ХМАО-Югре применена смешанная система, то есть 30 мая будет проведено очное голосование.

Для того чтобы проголосовать онлайн, необходимо пройти процедуру регистрации на сайте rg.er.ru, нажав вкладку «Хочу проголосовать», при этом для регистрации также необходимо иметь подтвержденную учетную запись на портале «Госуслуги». После прохождения процедуры регистрации у каждого избирателя будет открыт свой личный кабинет, где за несколько дней до начала предварительного голосования будут доступны электронные бюллетени. Но если избиратель хочет проголосовать лично на счетном участке для голосования, то для этого необходимо отменить регистрацию в личном кабинете, нажав на вкладку «Отменить регистрацию в предварительном голосовании». После чего ему будет предоставлена возможность проголосовать очно. Данная система предназначена для того, чтобы не допустить возможность двойного голосования.

Применение системы электронного голосования на масштабном праймериз является своего рода апробацией внедрения онлайн-голосования на всероссийских выборах.

Как уже упоминалось ранее, в этом году предварительное голосование будет проходить на выборах всех уровней. Дистанционное голосование предоставит гражданам максимум возможностей для принятия участия в политической жизни страны, региона или муниципалитета. Применение системы электронного голосования на праймериз позволит выявить проблемы, с которыми могут столкнуться избиратели на выборах при применении информационных технологий. При этом также будет выявлено, насколько положительно или отрицательно избиратели настроены на внедрение дистанционного голосования на выборах. Применение дистанционного электронного голосования в ходе проведения праймериз может послужить толчком для развития системы онлайн-голосования в избирательном процессе.

Литература

1. О порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : положение Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» от 01.03.2021 (с изм. от 12.03.2021) // Предварительное голосование. URL: <https://pg.er.ru/memo> (дата обращения: 10.05.2021).
2. О порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» кандидатами в депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации : положение Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» от 01.03.2021 (с изм. от 17.03.2021) // Предварительное голосование. URL: <https://pg.er.ru/memo> (дата обращения: 10.05.2021).
3. О порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» кандидатами в депутаты представительных органов муниципальных образований и на иные выборные должности местного самоуправления: положение Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» от 01.03.2021 (с изм. от 17.03.2021) // Предварительное голосование. URL: <https://pg.er.ru/memo> (дата обращения: 10.05.2021).
4. Гарейханова А. В «Единой России» подвели окончательные итоги онлайн-праймериз // Рос. газета. URL: <https://rg.ru/2020/06/02/v-edinoj-rossii-podveli-okonchatelnye-itogi-onlajn-prajmeriz.html> (дата обращения: 10.05.2021).

УДК 347.763.4

DOI 10.34822/2312-377X-2021-1-18-22

*Налбандян Е. Л.**Nalbandyan E. L.*

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ВЕТВЕВЛАДЕЛЬЦЕВ
ПРИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПУТЕЙ
НЕОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ**

**CERTAIN ASPECTS OF LEGAL RELATIONS OF RAILWAY TRACK OWNERS
IN THE OPERATION OF A NON-USE RAILROAD TRACK**

В статье рассмотрены некоторые проблемы договорных отношений при эксплуатации железнодорожных путей необщего пользования. Проанализирована сложившаяся судебная практика по спорам, связанным с эксплуатацией железнодорожных путей необщего пользования, в том числе при отсутствии прямого доступа к путям общего пользования у владельца подъездных путей.

The article draws attention to some problems of contractual relations in the operation of a public railroad track. The existing court practice in disputes related to the operation of a public track, including in the absence of direct access to the public track of the siding track owner is analyzed.

Ключевые слова: договор на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования, владелец путей необщего пользования, судебная практика, публичный договор.

Key words: contract for operation of non-public railroad tracks, owner of non-public tracks, court practice, public contract.

Разветвленность транспортной инфраструктуры зачастую обуславливает необходимость при перевозках грузов железнодорожным транспортом задействовать железнодорожные пути не только общего, но и необщего пользования. В настоящее время объем грузопотока на путях необщего пользования составляет большую часть осуществляемого магистральным транспортом грузопотока. Это связано с тем, что предпринимателям, осуществляющим деятельность в области промышленности, производства или переработки сырья, выгодно строить собственные подъездные пути (тупики) к своим складам, погрузочно-разгрузочным площадкам, иным объектам обеспечения деятельности организации.

В Федеральном законе «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10.01.2003 г. № 17-ФЗ [1] железнодорожные пути необщего пользования определены как железнодорожные подъездные пути, примыкающие непосредственно или через другие железнодорожные подъездные пути к железнодорожным путям общего пользования и предназначенные для обслуживания определенных пользователей услугами железнодорожного транспорта на условиях договоров или выполнения работ для собственных нужд.

Владельцем таких путей является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющие на законном праве железнодорожные пути необщего пользования, а также здания, строения и сооружения, другие объекты, связанные с выполнением транспортных работ и оказанием услуг железнодорожного транспорта (ст. 2 Устава железнодорожного транспорта РФ (далее – УЖТ)) [2].

В теории присутствует мнение, что наличие железнодорожных путей необщего пользования обусловлено потребностью максимально приблизить погрузку и выгрузку к местам производства и потребления, говоря иными словами, обеспечить доставку грузов «от двери к двери» [3].

В то же время основное назначение таких путей – вспомогательное, так как примыкание к железнодорожным путям общего пользования либо к смежным подъездным путям, которые, в свою очередь, примыкают к путям общего пользования, образует единое железнодорожное сообщение, обеспечивая непрерывность перевозочного процесса. Их самостоятельное использование допустимо, к примеру, при погрузке (выгрузке) грузов на складах и т. п.

Также железнодорожные пути необщего пользования могут иметь тупиковое расположение (когда дальнейшее движение состава не предусмотрено, а имеющийся путь обеспечивает нужды определенного владельца склада в пределах железнодорожного пути) или транзитный характер (когда через подъездной путь обеспечивается пропуск вагонов на другие примыкающие пути необщего пользования).

В отличие от них пути общего пользования предназначены для удовлетворения потребностей в железнодорожных перевозках всех грузоотправителей, грузополучателей. Железнодорожные пути общего пользования принадлежат и эксплуатируются российскими железными дорогами.

Отношения участников железнодорожных перевозок по использованию железнодорожных путей необщего пользования оформляются: договором на подачу и уборку вагонов; договором на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования; иным договором, например, договором аренды, договором пропуска вагонов через пути и пр. (ст. 55, 56, 60, 64 УЖТ).

В теории первые два вида договоров относят к разновидностям договоров об организации перевозок на железнодорожном транспорте [4, 5].

Несмотря на то, что в ст. 54, 58 УЖТ договоры на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования и договоры на подачу и уборку вагонов поименованы как отдельные договоры, четко разграничить их правовую природу затруднительно, что обусловлено спецификой используемой в нормативном акте терминологии и законодательной техники.

Это проявляется, например, при анализе ст. 62 УЖТ, из которой следует, что установление порядка передачи вагонов, контейнеров на железнодорожные пути необщего пользования, выставочные пути и их возвращения обратно предусматривается как договорами на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования, так и договорами на подачу и уборку вагонов. То есть нормой статьи допускается регулирование одних и тех же действий участников перевозочного процесса разными договорами, что на практике и приводит к заключению смешанного договора. Или, к примеру, в п. 3 ст. 58 УЖТ, предусматривается право перевозчика взимать сбор за подачу и уборку вагонов на принадлежащих ему путях необщего пользования, включающий в себя плату за работу локомотива перевозчика, и плату за использование железнодорожных путей необщего пользования, принадлежащих перевозчику.

При этом правоприменительная практика толкует двойственную составляющую права на такой сбор более расширительно.

Так, по делу № А40-249218/2016 судом был рассмотрен спор, вытекающий из проекта договора на подачу и уборку вагонов на железнодорожные пути необщего пользования, в котором ОАО «Российские железные дороги» (далее – РЖД) предусмотрели ежедневную плату за пользование собственными железнодорожными путями необщего пользования независимо от фактического осуществления операций по подаче и уборке вагонов.

Как указывал истец, перевозчик имеет право на взимание одного сбора, включающего в себя плату за работу локомотива и плату за использование путей необщего пользования.

В результате суд удовлетворил заключение договора в редакции, предложенной РЖД по мотиву того, что государственное регулирование тарифов для перевозчика не исключает возможность согласовать в договоре плату за использование железнодорожных путей необщего пользования, принадлежащих перевозчику в силу самостоятельности такой услуги, обладающей собственной коммерческой ценностью (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.07.2019 № 305-ЭС19-1465).

В иных спорах, поддерживая позицию перевозчика, суды исходили из того, что ежедневное взимание такой платы, не привязанное к количеству выходов локомотива, обусловлено обеспечением для перевозчика безубыточной деятельности, так как перевозчик связан необходимостью содержать принадлежащий ему железнодорожный путь и поддерживать его в надлежащем состоянии на постоянной основе с тем, чтобы обеспечивать исполнение своих обязательств по договору в части подачи и уборки вагонов в любой момент (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.05.2020 № Ф09-2219/20 по делу № А07-26204/2019, аналогичная позиция изложена в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15.10.2019 № Ф05-13627/2019 по делу № А40-30027/2019 и др.).

Верховный суд Российской Федерации урегулировал данный вопрос еще в 2017 г., выпустив Обзор судебной практики [6], где признал не противоречащим действующему законодательству условие договора на подачу и уборку вагонов, которым устанавливается ежесуточная плата за пользование путей необщего пользования, принадлежащих перевозчику. Однако в то же время отметил возможность стороны договора оспаривать условие о плате по иным основаниям, например, ссылаясь на крайне невыгодные условия совершения сделки, которую лицо было вынуждено заключить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем и воспользовалась другая сторона (п. 3 ст. 179 ГК РФ), данное условие явно обременительно для присоединившейся стороны, и она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы его при наличии возможности участвовать в его определении (п. 2 ст. 428 ГК РФ).

Другим спорным вопросом в правовом регулировании правоотношений при эксплуатации железнодорожных путей необщего пользования является характер складывающихся взаимоотношений между владельцами железнодорожных путей необщего пользования в случае, когда один из владельцев может реализовать право подачи и уборки вагонов к своему подъездному пути через железнодорожные пути «соседа».

Исходя из норм ст. 60 УЖД, п. 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.10.2005 № 30 [7], заключение договоров, связанных с обслуживанием контрагентов, имеющих на железнодорожных путях необщего пользования свои склады, погрузочно-разгрузочные площадки либо примыкающие к железнодорожным путям владельца этих путей свои железнодорожные пути, является обязанностью как этих сторон, контрагентов, так и перевозчика, если перевозчик обслуживает железнодорожные пути необщего пользования своим локомотивом.

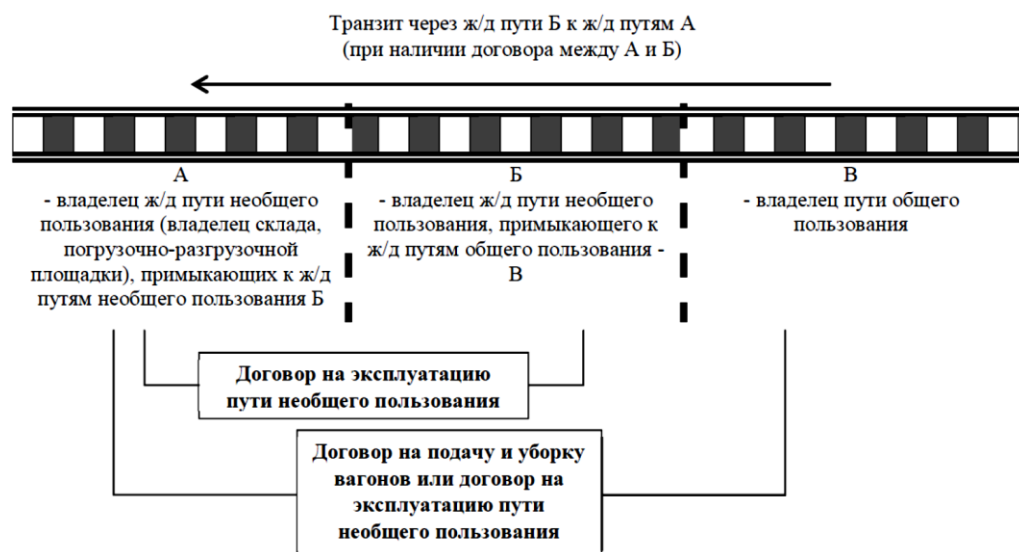

Рис. 1. Особенности отношений между владельцами железнодорожных путей необщего пользования и владельцем путей общего пользования

На рис. 1 представлена схема, из которой усматриваются следующие особенности отношений между владельцами железнодорожных путей необщего пользования и владельцем путей общего пользования:

- владелец склада (прочих объектов, обеспечивающих потребности владельца) на законном праве владеет путями необщего пользования (А), которые примыкают к железнодорожным путям необщего пользования иного (смежного) владельца пути (Б), которые уже в свою очередь примыкают к магистральным путям общего пользования станции железной дороги (В). Непосредственного примыкания к путям общего пользования (В) владелец железнодорожных путей необщего пользования (А) не имеет;

- использовать по назначению принадлежащее ему на праве собственности имущество (склад, железнодорожный путь) возможно только через примыкающие железнодорожные пути необщего пользования (Б), которые являются транзитными как для него, так и для перевозчика;

- перевозчик обслуживает железнодорожные пути необщего пользования (А) своим локомотивом;

- для эксплуатации железнодорожных путей необщего пользования, владельцу путей (А) необходимо получение согласия смежного ветвевладельца (Б) на пропуск вагонов с целью обеспечения беспрепятственного движения подвижного состава по этим путям при наличии у последнего технологической возможности, а также согласовать договор.

Таким образом, может сложиться ситуация, при которой интересы одного владельца путей необщего пользования, не имеющего прямого доступа к путям общего пользования, будут напрямую зависеть от воли смежного ветвевладельца. Такое правовое положение – удобный инструмент для транзитного ветвевладельца, чтобы злоупотребить своими правами на стадии заключения договора, в том числе, с целью поставить себя в заведомо выгодное положение по отношению ко второй стороне, что и влечет споры.

На практике возникает вопрос: является ли ветвевладелец транзитных путей лицом, обязанным заключить договор с контрагентом перевозчика по ст. 445 ГК РФ? Какие последствия возникают для владельца транзитных путей необщего пользования, по вине которого договор не может быть заключен, если отсутствует технологическая и иная возможность использовать принадлежащий владельцу объекта подъездной путь, минуя путь транзитного ветвевладельца?

В настоящее время практика разрешения споров складывается по двум направлениям. Первое направление – признание действий транзитного ветвевладельца нарушающими законодательство о конкуренции. Второе – инициирование судебных споров с требованием обязать транзитного владельца пути заключить договор на эксплуатацию путей необщего пользования (иного договора, обеспечивающего транзитный пропуск вагонов) или урегулировать разногласия, возникшие при заключении договора (не чинить препятствия).

При обращении к практике Федеральной антимонопольной службы по округам определенно находим положительный ответ в части обязательности заключения договора на эксплуатацию путей необщего пользования для сторон. Со ссылкой на ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ, антимонопольные органы признают положение транзитного ветвевладельца доминирующим. Мотивом таких решений служит тот факт, что ветвевладелец является монополистом на рынке оказания услуг по предоставлению в пользование железнодорожных путей в пределах своих границ путей необщего пользования, так как иные лица, которые могут составить ему конкуренцию, фактически отсутствуют на рынке (постановление Новосибирского УФАС России от 25.10.2017 № 02-13-105-2017, решение Псковского УФАС России от 27.05.2020 № 060/01/10-442/2019). В части тарифа, антимонопольные органы считают, что ветвевладелец не вправе самостоятельно устанавливать тарифы для контрагентов в силу обязательности их государственного регулирования (постановление Тюменского УФАС России от 21.07.2017 по делу № А17/284-14.31, постановление Вологодского УФАС России от 20.07.2020 по делу № 035/04/14.31-406/2020).

Анализ же судебной практики по данному вопросу позволяет утверждать наличие противоречивых решений и даже отсутствие единообразия. Но, несмотря на это, определенные подходы практики применения ст. 60 УЖТ сформулированы:

1) первый бесспорный подход связан с невозможностью урегулировать конфликт между владельцами смежных железнодорожных путей необщего пользования, связанный с получением прав доступа к примыкающим железнодорожным путям необщего пользования посредством установления обременения (сервитута). Обоснованием тому является невозможность возникновения вещно-правовых отношений, если действующее законодательство рассматривает и регулирует эти отношения как отношения обязательственные, возникающие из договора между владельцами железнодорожных путей (постановление Президиума ВАС РФ от 16.02.2010 № 13138/09 по делу № А54-5310/2008-С9, определение ВАС РФ от 13.01.2011 № ВАС-13577/10 по делу № А54-1454/2010-С22, постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.07.2019 № 13АП-15604/2019 по делу № А56-146720/2018);

2) заключение договора на эксплуатацию подъездного железнодорожного пути обязательно, если владелец железнодорожных путей необщего пользования не имеет возможности получить идущие в его адрес для погрузки, выгрузки вагоны, минуя железнодорожный подъездной путь ветвевладельца, имеющего транзитные железнодорожные пути (определение Верховного Суда РФ от 04.04.2016 № 302-ЭС16-1376 по делу № А10-3745/2014, определение Верховного Суда РФ от 20.04.2015 № 307-ЭС15-2292 по делу № А05-13164/2013, определение Верховного Суда РФ от 15.07.2020 № 303-ЭС14-7315 по делу № А51-2915/2014);

3) заключение договора на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути обязательно, поскольку исходя из ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции», ветвевладелец, через железнодорожные подъездные пути которого можно получить доступ к собственным железнодорожным путям необщего пользования, может быть признан лицом, занимающим доминирующее положение на соответствующем товарном рынке, единственным продавцом таких услуг на локальном рынке и может оказывать решающее влияние на возможность транзита вагонов в сторону железнодорожных путей необщего пользования, принадлежащего владельцу тупикового пути (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.08.2018 № Ф01-3334/2018 по делу № А29-5918/2017, определение Верховного Суда РФ от 15.07.2020 № 303-ЭС14-7315 по делу № А51-2915/2014);

4) при транзитном проезде вагонов по железнодорожным путям необщего пользования контрагент и владелец части путей необщего пользования вправе урегулировать свои отношения путем заключения иного договора, не поименованного в ст. 60 УЖТ. Если стороны не достигли соглашения о заключении договора на оказание услуг по пропуску железнодорожного подвижного состава по железнодорожным путям необщего пользования, этот договор не может заключаться в обязательном порядке (постановление Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 10728/12 по делу № А23-2648/2011, определение Верховного Суда РФ от 08.06.2015 № 306-ЭС15-3761 по делу № А72-1718/2014, определение Верховного Суда РФ от 16.03.2017 № 310-ЭС17-735 по делу № А08-1851/2016).

Таким образом, на практике согласие ветвевладельца также сводится к необходимости урегулирования правоотношений договором, обязательность которого для сторон перевозочного процесса в ряде случаев судами поддерживается. Между тем очевидна потребность в разъяснении Верховным Судом Российской Федерации упомянутых вопросов в целях обеспечения единообразного применения законодательства.

Литература

1. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 10.01.2003 г. № 17-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 декабря 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 27 декабря 2002 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 10.01.2003 № 18-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. 24 декабря 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 27 декабря 2002 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Гребенников Д. А. Стороны договора на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования и договора на подачу и уборку вагонов // Гражданское право. 2006. № 2. С. 17–19.

4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 4. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. М. : Статут, 2003. 350 с.

5. Вайпан В. А. Правовое регулирование транспортной деятельности // Право и экономика. 2012. № 6. С. 18–42.

6. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2017 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» от 06.10.2005 № 30 : постановление Пленума ВАС РФ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Попова Л. А.
Popova L. A.

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ
НЕЗАВИСИМОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ**

**PROBLEMS OF ORGANIZING AND CONDUCTING
AN INDEPENDENT ANTICORRUPTION ASSESSMENT
OF REGULATORY LEGAL ACTS AND THEIR PROJECTS**

Институт независимой антикоррупционной экспертизы существует уже достаточно продолжительное время, однако для него перманентно характерна низкая эффективность. Анализ причин такого состояния и рекомендации по активизации деятельности независимых антикоррупционных экспертов стали предметом проведенного исследования.

The institute of independent anti-corruption expertise has existed for quite a long time, but it is permanently characterized by low efficiency. The analysis of reasons for this state of affairs and recommendations on activating the activity of independent anti-corruption experts became the subject of the present research.

Ключевые слова: независимая антикоррупционная экспертиза, независимые антикоррупционные эксперты, эффективности независимой антикоррупционной экспертизы

Keywords: independent anti-corruption expertise, independent anti-corruption experts, effectiveness of independent anti-corruption expertise

Политика развития институтов гражданского общества, реализующаяся в настоящее время, предполагает вовлечение граждан в решение наиболее актуальных вопросов, стоящих перед государством и обществом в настоящее время.

Нормативная основа и механизм правовой реализации права граждан на участие в решении государственных вопросов сформированы в начале 2000-х годов, однако по сей день остается много проблем, связанных с недостаточной эффективностью отдельных механизмов.

Одним из таких проблемных вопросов является привлечение институтов гражданского общества к участию в антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и их проектов, а также зачастую невысокий уровень заключений независимых экспертов.

Федеральное законодательство регламентирует как саму процедуру проведения независимой антикоррупционной экспертизы, так и порядок получения гражданами статуса независимого антикоррупционного эксперта.

Основным документом, регламентирующим порядок получения этого статуса, является утвержденный Приказом Минюста России от 29 марта 2019 г. № 57 [1] Административный регламент по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее – Регламент). Указанный документ устанавливает достаточно лояльные, на наш взгляд, требования к лицам, претендующим на получение права проводить независимую антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

Так, согласно Регламенту, независимым экспертом может стать любой гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и стаж работы по специальности не менее 5 лет. Ограничения установлены только для граждан, имеющих неснятую или непогашенную судимость; граждан, о которых имеются сведения о применении к ним взыскания

в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, включенных в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия; и граждан, осуществляющих свою деятельность в органах и организациях, указанных в п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», т. е. лиц, обязанных проводить антикоррупционную экспертизу исходя из своих должностных обязанностей.

Следует обратить внимание, что Регламент в действующей редакции, включающий ограничения в получении статуса эксперта, уполномоченного на проведение независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов для лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость, был принят в 2019 г., что свидетельствует, на наш взгляд, о продолжении работы государственных органов в направлении совершенствования института независимой антикоррупционной экспертизы.

Таким образом, независимым экспертом, получившим аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы, может стать любой гражданин РФ, соответствующий установленным требованиям, которые, очевидно, невысоки.

По состоянию на 15 апреля 2021 г., в государственном реестре независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации (физические лица), содержится 2 768 записей. Несмотря на значительное число физических лиц, получивших аккредитацию, в целом, как показывает практика, наблюдается их низкая активность. Это является основной проблемой реализации положений Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2] и Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [3].

Очевидно, низкие требования, установленные для лиц, желающих получить аккредитацию, должны были способствовать увеличению количества независимых экспертов, значит, и количества проведенных экспертиз. К сожалению, подобная тенденция не сложилась.

Вопросам активизации деятельности независимых экспертов уделяют внимание как представители органов государственной власти и местного самоуправления, так и представители юридической науки. Анализ комплекса детерминант низкой активности лиц, аккредитованных на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, показал, что наиболее значимыми являются следующие причины:

1. Существующий порядок проведения независимой антикоррупционной экспертизы не предусматривает в качестве обязательной процедуру обратной связи с экспертом. Немаловажным фактором является отсутствие обязанности у органа, получившего заключение независимого эксперта, вносить изменения в проект нормативно-правового акта в соответствии с рекомендациями, содержащимися в нем, то есть фактически заключение является документом, в факте наличия которого есть заинтересованность органов власти, но нет обязанности корректировать текст проекта в соответствии с замечаниями эксперта. В итоге складывается ситуация, порождающая у эксперта ощущение отсутствия значимости и полезности выполняемой им достаточно трудоемкой деятельности по производству экспертизы.

2. Возможность аккредитации в качестве экспертов лиц, обладающих высшим образованием и стажем работы в различных областях деятельности, с одной стороны, имеет положительный эффект – привлекаются лица, обладающие знаниями и компетенциями разного рода, необходимыми для проведения экспертиз нормативно-правовых актов и их проектов, регулирующих различные аспекты жизни государства и общества, но с другой стороны, для таких лиц часто характерно отсутствие одного важного фактора – умения грамотно составлять экспертное заключение по результатам независимой антикоррупционной экспертизы. Таким образом, рекомендации и выводы, содержащиеся в нем, не находят своего отражения в текстах нормативно правовых актов.

3. Отсутствие урегулированной системы мотивации и стимулирования независимых экспертов к активному производству антикоррупционных экспертиз нормативно-правовых ак-

тов. В настоящее время идет процесс формирования указанной системы, но, как показывают данные проведенных исследований [4], эта деятельность носит хаотичный характер и меры, реализуемые в субъектах РФ, направленные на повышение количества и качества заключений независимых экспертов, разнородны и неоднозначны. Кроме того, зачастую приводят к противоположным результатам, так как в некоторых случаях служат примером пренебрежительного отношения отдельных органов власти и их должностных лиц к данной деятельности.

Безусловно, приведенный перечень факторов, негативно влияющих на эффективность института независимой антикоррупционной экспертизы, не является исчерпывающим, однако, как указано выше, эти меры, по нашему мнению, играют решающее значение в вопросе повышения эффективности рассматриваемого института.

В качестве мер, направленных на минимизацию негативного влияния указанных факторов, считаем необходимым реализовать следующие шаги:

1. Внести изменения в Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», закрепив норму об обязанности направления ответа на поступившее заключение независимого эксперта, с мотивировкой в случае отказа изменения текста проекта нормативного акта в соответствии с поступившими от эксперта рекомендациями.

2. Внести в Административный регламент Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, утвержденные Приказом Минюста России от 29 марта 2019 г. № 57 изменения в части требований к лицам, обращающимся за восстановлением либо продлением аккредитации, критерия, позволяющего оценить деятельность эксперта в период ее действия. Критерия, который бы стал определяющим при решении вопроса о целесообразности продления либо восстановления статуса.

3. Принять на федеральном уровне типовое положение о порядке организации и проведении конкурсов среди независимых экспертов. На наш взгляд, данная мера позволит упорядочить систему нематериального стимулирования деятельности независимых экспертов и, как результат, обеспечить повышение качества и количества проводимых независимых антикоррупционных экспертиз.

Литература

1. Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации : приказ Минюста России от 29.03.2019 № 57. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. О противодействии коррупции : федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : федер. закон от 17.07.2009 №172-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Кабанов П. А. Мониторинг правового регулирования стимулирования независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы: опыт и перспективы развития // Мониторинг правоприменения. 2020. № 3 (36). С. 25–37.

5. Долотов Р. О., Крылова Д. В. Перспективы повышения эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы // Журн. рос. права. 2019. № 10. С. 163–173.

УДК 343.231

DOI 10.34822/2312-377X-2021-1-26-28

Сурихин П. Л.
Surikhin P. L.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ

CRIME: FUNCTIONAL MODEL OF THE SYSTEM

Современное представление о преступлении статично и включает набор неких признаков. Подобный подход не позволяет в полной мере понять природу преступления как общественно-опасного деяния в процессе обработки информации определенной совокупностью взаимодействующих элементов. Данные обстоятельства лишают возможности эффективного уголовно-правового воздействия на преступление и его элементы при решении задач УК РФ.

The modern understanding of crime is static - it is a certain set of signs. Such an approach does not allow us to fully understand the nature of crime, which is a process, a process of information processing by a certain set of interacting elements to achieve a socially dangerous goal. These circumstances make it impossible for an effective criminal law to influence a crime, its elements, when solving the tasks of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: преступление, система, функциональная модель.

Key words: crime, system, functional model.

Решение задач УК РФ (ст. 2) обеспечивается наличием уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ, адекватных преступлению. Из этого следует, что уголовно-правовые отношения предполагают наличие двух противоборствующих систем – уголовно-правовой нормы и преступления. Система уголовно-правовой нормы должна быть нацелена на разрушение системы преступления, и для этого необходимо знание ее устройства. Таким образом, изучение этой логической конструкции необходимо начинать с системы преступления.

Представление о преступлении в уголовном праве носит статический характер – общественно-опасное деяние, содержащее признаки конкретного состава преступления [3; 4]. Такая конструкция весьма удобна для квалификации преступления, но не для назначения наказания, т. е. для чего эта квалификация и осуществляется. Статическое представление о преступлении не раскрывает его процесс, не раскрывает преступление как деятельность, деятельность как управление действием, как совокупность целеустремленных действий, природы того, что является сутью конкретного преступления. Все это существенно препятствует анализу преступления в целях построения адекватной уголовно-правовой нормы, которая бы эффективно обеспечивала решение задач УК РФ.

Преступление – это конструкция, обладающая признаками системы [1], соответственно можно построить функциональную модель этой конструкции и понять как, с чем и для чего она работает. Такие знания с очевидностью покажут точки приложения усилий и их меру для разрушительного воздействия на систему преступления – вид, размер или срок необходимого наказания для осуществления охраны общественных отношений.

Возьмем за основу состав не конкретного преступления, а состав преступления как совокупность объективных и субъективных признаков в виде структуры элементов функциональной модели абстрактной системы.

Представим, что некий субъект (вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности), сформулировав преступную цель, выбрав объект посягательства (конкретные охраняемые общественные отношения, объект состава преступления), осознавая фактический характер и общественную опасность своего деяния, предвидя наступление общественно-опасных последствий, с желанием их наступления (виновно, с прямым умыслом), совершает задуманные им действия, которые приводят к определенным последствиям с точно-

стью, определяемой развивающейся причинной связью (признаки объективной стороны состава преступления).

Согласно положениям общей теории систем [2], функциональная модель абстрактной системы с известной степенью детализации состоит из ряда обязательных элементов: цель, блок управления, блок исполнения, вход, выход. Система работает с информацией, поступающей на входе, и выдает новую информацию на выходе, которая должна отвечать требованиям поставленной цели, быть целесообразной.

Если описанные выше признаки деяния (состава преступления) наложить на элементы системы, то получим следующее:

1. Цель преступления – это цель системы.
2. Вина (субъективная сторона) – это блок управления.
3. Общественно-опасное деяние – блок исполнения.
4. Объект – информация на входе системы.
5. Общественно-опасные последствия (поврежденный объект) – информация на выходе системы.

Данная модель функционирует примерно следующим образом:

1. Цель преступления формирует умысел.
2. Согласно умыслу подбирается общественное отношение, посягательство на которое способно обеспечить реализацию преступной цели.
3. Осуществляется посягательство на общественное отношение.
4. Наступают общественно-опасные последствия, объекту причиняется существенный вред.
5. Измененное общественное отношение сопоставляется с целью – соответствует ей (преступная цель реализована) или не соответствует (цель не реализована).

Таким образом, описанная структура системы преступления и функционал ее элементов могут быть использованы для ее разрушения.

Вначале, чтобы определить точки приложения усилий, отметим некоторые важные закономерные свойства систем. Цель является системообразующим элементом, все другие элементы системы притягиваются целью и организуются ей. Элементы системы существуют до тех пор, пока есть цель, ради которой они объединились. В подобной ситуации следует совершенствовать уголовно-правовую норму так, чтобы она разрушала систему преступления через лишение целесообразности совершения преступления.

Воздействие на другие элементы системы преступления представляются малоэффективным или даже бессмысленным. Если стадии совершения преступления имеют существенную протяженность во времени: имеется заранее обдуманный умысел, присутствуют подготовительные действия, преступление совершается в соучастии, имеет место управление с распределением преступных ролей, тогда вполне эффективным будет разрушительное воздействие не только на преступную цель, но и на другие элементы системы преступления (блок управления, блок исполнения, выход системы или даже на ее вход).

Используем такое свойство системы, как процессный подход – система по сути реализует процесс обработки информации. Чтобы снизить эффективность системы (частично или полностью), необходимо затормозить либо остановить процесс обработки информации, ввести «паразитные» процессы. В нашем случае это возможно воздействием на соучастников преступления, или на блок управления единоличного преступника.

Кратко такое воздействие можно описать следующим образом: соучастники, реализующие свои роли на разных стадиях совершения преступления, должны нести уголовную ответственность наравне с исполнителем, т. е. как соисполнители, элементы одной системы преступления. Более того, не умаляя общественную опасность исполнителя, предполагаем, что подстрекатель (тот, кто формирует цель системы преступления) и организатор (тот, кто обеспечивает функционирование системы) заслуживают более строгого наказания, чем принято в современной судебной практике. Учитывая высокую принципиальную значимость для формирования и функционирования системы таких ее элементов, как цель и блок управления, наказание подстрекателя и организатора, возможно, должно быть строже, чем наказание непосредственного исполнителя. Это относится и к неоконченной преступной

деятельности этого вида соучастников, если, например, исполнитель отказывается от исполнения преступления или не может довести его до конца. Полагаем, подобный подход весьма эффективно будет тормозить или даже блокировать процессы системы преступления и наступление общественно-опасных последствий на ее выходе.

В ситуации, когда речь идет о единоличном преступнике или отдельно взятом соучастнике, воздействие на их «персональный» блок управления может носить не только репрессивный, но и поощрительный характер в виде освобождения от уголовной ответственности за отказ от реализации преступного замысла.

Когда «вход и выход» системы преступления связаны с общественными отношениями, предметом которых являются, например, предметы материального мира, то вспомогательное разрушительное воздействие на систему преступления возможно и через эти предметы – конфискация похищенного, незаслуженно присвоенного, ограниченного в свободном обороте и т. п. Обратим внимание, что воздействие на «вход и выход» системы преступления часто носит обязательный характер, особенно когда речь идет о конкретном преступлении, но не оказывает принципиального воздействия на саму систему, если применяется вне комплекса других мер.

Обобщая изложенное, приоритеты уголовно-правового воздействия на элементы системы преступления можно расставить по мере убывания их эффективности:

1. Разрушение механизмов и воздействие на участников, формирующих цель преступления.
2. Разрушение механизмов и воздействие на участников, обеспечивающих управление преступлением.
3. Воздействие на участников, непосредственно исполняющих преступление.
4. Воздействие на материальные результаты преступной деятельности.

Полагаем, что такие приоритеты правового воздействия на систему преступления через причины преступления, а не его следствия, обеспечат эффективность борьбы с преступлениями.

Литература

1. Аверьянов А. Н. Системное познание мира. Методологические проблемы М., 1985. 263 с.
2. Гайдес М. А. Общая теория систем: системы и системный анализ. М., 2005. URL: <http://www.хаос.ru>.
3. Марцев А. И. Преступление: сущность и содержание. Омск, 1986. 68 с.
4. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. 308 с.

Усольцев Ю. М., Усольцева Н. А.
Usoltsev Y. M., Usoltseva N. A.

МЕТАДАННЫЕ ЭЛЕКТРОННОГО СООБЩЕНИЯ КАК ЭЛЕКТРОННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

METADATA OF ELECTRONIC MESSAGES AS ELECTRONIC EVIDENCE IN A CRIMINAL PROCESS

Дана характеристика служебной информации электронных сообщений как источника доказательств в уголовном процессе, представлен анализ направлений развития понятия доказательства, вопросов изъятия электронной информации, электронных сообщений в рамках существующих процессуальных действий, а также использования метаданных в процессе доказывания по уголовным делам.

The article provides a characteristic of the electronic information of electronic messages as a source of evidence in criminal proceedings, analyzes the development trends of the concept of evidence in criminal proceedings, examines the issues of withdrawing electronic information from electronic messages within the framework of existing procedural actions, studies the possibility of using metadata in the process of proving in criminal cases.

Ключевые слова: метаданные электронного сообщения, электронное сообщение, электронное доказательство, использование электронных доказательств в уголовном процессе.

Keywords: metadata of an electronic message, an electronic message, electronic evidence, the use of electronic evidence in criminal process.

Цифровая реальность и электронный обмен сообщениями повсеместно приходят в нашу жизнь, и право не становится исключением. Наоборот, право не только говорит и обсуждает возможности использования процессов цифровизации, но и создает допустимые и возможные условия применения цифровой реальности и электронного документооборота в разных сферах. В этом поистине мировом процессе Россия также находится в тренде и ведет активную проработку нормативных актов для полноценного включения в правовую среду понятий, условий и механизмов цифровизации, в том числе и тех, с которыми мы сталкиваемся каждый день и даже не замечаем этого.

Процессуальное право, в отличие от многих других отраслей, все указанные вопросы рассматривает более серьезно, так как рассмотрение происходит сразу в двух проекциях:

- 1) возможности использования цифровых технологий и электронного обмена данными в условиях организации самого процесса (судебного или досудебного);
- 2) возможности использования цифровых технологий и электронного обмена данными как доказательств.

Уголовно-процессуальное право не стало исключением и в первую очередь делает акцент именно на второй проекции – определении таких понятий как «электронное доказательство» и «электронное доказывание» [4, с. 74–84].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) [18] не содержит в себе такого понятия как «электронное доказательство», но в ст. 74 представлен полный перечень доказательств, и этот перечень, если он не будет дополнен, позволяет говорить об электронной форме уже названного письменного доказательства, или электронном носителе информации как вещественном доказательстве, однако не позволяет говорить об электронных доказательствах как самостоятельном виде доказательств [12].

Основная часть процессуального сообщества, занимающаяся исследованием электронных доказательств, считает, что к электронным доказательствам можно относить любую

хранимую в электронном виде информацию (ESI): электронные документы, электронные письма, электронные файлы, а также электронные записи и служебные отметки. Для таких доказательств не требуется выделять отдельного вида доказательств в их классификации, а можно представлять средства доказывания в ныне существующих категориях – как вещественные или иные доказательства [13, с. 253, 254 ; 9, с. 107].

По мнению других исследователей, в УПК РФ необходимо просто детализировать институт доказательств, закрепив в нем возможность представления сведений также и в электронном виде [14; 1]. Некоторые авторы серьезно ратуют за новый вид доказательств и предлагают ввести электронные доказательства в уголовный процесс именно в таком статусе [7, с. 30]. Однако следует понимать, что данная тема не так однозначна и нуждается в тщательном исследовании всех составляющих ее компонентов.

Жизненно необходимо понимание того, что электронное доказательство – это не только электронное письмо (его содержание), электронная версия документа или иное упрощенное восприятие этого понятия. Одним из самых серьезных электронных доказательств, зачастую не облеченных в форму электронного документа, будут электронные данные, формируемые за счет программного алгоритма [12].

Электронные данные и электронная информация являются элементами не реального мира, скопированными или созданными с электронными технологиями («апгрейд версия» печатной машинки), а элементами цифрового мира, подтверждающими нечто, что создано или произошло именно в том мире, пока не имеющем в реальном мире никакого выражения. Именно эти электронные данные и электронная информация являются уникальными электронными доказательствами.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [11] определяет электронное сообщение как информацию, переданную или полученную пользователем информационно-телекоммуникационной сети, а информационно-телекоммуникационную сеть как технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

На данный момент ст. 474.1 УПК РФ определила, что в уголовном судопроизводстве допустим электронный документооборот (подачи ходатайств, жалоб и т. д.), а также «электронные носители информации» как вещественные доказательства [15, с. 78–83].

Каждый раз, создавая и отправляя электронное сообщение, мы словно не осознаем, что создаем уникальные цифровые следы своей активности, и именно они являются метаданными: дата и время отправки, заголовок, адрес отправителя, адрес получателя, тип вложения, его объем и прочие характеристики, то есть информация, которая сопутствует содержанию. Метаданные содержат больше ценной информации, чем мы привыкли думать [17].

Электронное сообщение словно расслаивается на три составляющие:

- 1) конверт (транспортный контейнер или пакет), содержащий сообщение и прикрепленные файлы. Конверт (транспортный контейнер) может быть подписан электронной подписью;
- 2) техническая или служебная часть сообщения, содержащая информацию об отправителе, транспортное движение, служебные отметки программ, идентификатор сообщения и т. д.;
- 3) собственно само сообщение или вложения, содержащее некую информацию, адресованную получателю.

Или, как указано в RFC-822 [19], а позднее в RFC-2822 [20], почтовое сообщение состоит из конверта, заголовка и тела сообщения. Пользователь видит только заголовок и тело сообщения. Конверт используется только программами доставки. Заголовок всегда находится перед телом сообщения и отделен от него пустой строкой.

RFC-822 регламентирует содержание заголовка сообщения. Заголовок состоит из полей. Поля состоят из имени поля и содержания поля. Имя поля отделено от содержания символом «:». Минимально необходимыми являются поля Date, From, cc или To. Поле Date определяет дату отправки сообщения, поле From – отправителя, а поля cc и To – получателя(ей).

Поле Message-ID содержит уникальный идентификатор сообщения и используется программами доставки почты. Message-ID – это уникальный идентификатор сообщения, то есть идентификатор, генерируемый при выкладывании сообщения в канал во время сеанса связи [6].

Поле Subject определяет тему сообщения, Reply-To – пользователя, которому отвечают, Comment – комментарий, In-Reply-To – показывает, что сообщение относится к типу «В ответ на Ваше сообщение, отвечающее на сообщение, отвечающее ...» (фразы исключены RFC-2822), X-Special-action – поле, определенное пользователем, в стандарте не определено.

Кроме того, используются поля заголовков, которые не регламентированы в RFC-822. Так, первое предложение заголовка, которое начинается со слова From, содержит UUCP-путь сообщения, по которому можно определить, через какие машины сообщение «пробиралось». Поле Received содержит транзитные адреса почтовых серверов с датой и временем прохождения сообщения; IP-адрес (Internet Protocol Address) – уникальный идентификатор (адрес) устройства (обычно компьютера), подключенного к локальной сети и (или) к Интернет.

Служебная или техническая часть электронного сообщения – это уникальный цифровой след, с помощью которого можно доказать необходимые обстоятельства в рамках производства по уголовному делу, в том числе определить программное обеспечение, технические данные устройства, время создания и изменения информации. Данные сведения позволят идентифицировать участника, проверить алиби или подтвердить виновность.

Формально все метаданные можно разделить на несколько условных групп:

- описательные метаданные, используемые для идентификации и поиска информации;
- структурные метаданные (навигационные пути);
- административные метаданные (административные отметки, в том числе по правам на информацию).

Метаданные электронного сообщения могут быть описательными и административными одновременно, включены в заголовок сообщения. Отправитель и получатель воспринимают только необходимую составляющую метаданных в своих почтовых программах (просмотр таких данных можно делать через специальные программы или через возможности самого почтового ресурса, предлагающего просмотреть все элементы технических заголовков). Доступ к метаданным электронного сообщения помимо отправителя и получателя имеют почтовые провайдеры, а также правоохранительные органы при проведении расследования или оперативно-розыскных мероприятий. Именно по этой причине метаданные подлежат весьма длительному хранению, в том числе и в России, что исходит из требования Федерального закона от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [10].

Помимо этого, метаданные могут дать третьим лицам информацию о пользователе абсолютно разнообразного характера, например, версии ПО, точке входа (адреса, имена, телефоны, контакты и т. д.), предположения о способах функционирования, предположения об использовании неявных технологий.

Какие метаданные обычно передаются вместе с документами: общие данные; название редактора (например, Microsoft Office Word); дата и время создания; идентификатор пользователя из настроек редактора на момент создания; дата и время редактирования; идентификатор пользователя из настроек редактора на момент редактирования; дата последней печати документа; количество правок; общее время редактирования документа; данные, сохраняемые с примечаниями к тексту (дата создания примечания); идентификатор пользователя из настроек редактора на момент создания примечания; полная история редактирования; поля документа (название, тема, ключевые слова, комментарий, пользовательские поля, цифровые подписи на документе, макросы в документе) [16].

Метаданные могут описывать не только электронное сообщение или электронный документ, но и электронный информационный ресурс, в качестве чего понимается формализованное описание электронного информационного ресурса, используемое для его идентификации и категоризации при работе с большими совокупностями информационных ресурсов. В этой ситуации метаданные признаются метаописанием электронного информационного ресурса [5].

Оценивая метаданные как электронное доказательство, стоит остановиться на том, что метаданные – это порождение цифровой среды, и если рассматривать их как доказатель-

ство, то доказательственным значением будут обладать именно они, а не носитель (вещественное доказательство или иной документ), на котором они были представлены следователю или суду. Оценивая и классифицируя метаданные как электронное доказательство, нужно сразу исключить форму носителя, так как в этой ситуации она не имеет значения, но при этом можно остановиться на позициях:

- способа доступа к метаданным – локальный или удаленный (возможны оба варианта);
- характера доступа к метаданным – могут быть доступными, но только для специальных субъектов [2, с. 61–68].

Дифференциация следов как носителей информации, используемая сегодня в криминалистических учениях, не выходит за рамки материальной и идеальной классификации [3, с. 25]. Но если «электронные носители информации» укладываются в эту систему как материальные следы, то сама техническая информация, создаваемая цифровым пространством по поводу тех же электронных сообщений и в нем существующая – это более сложный вопрос. Получение такой информации для доказывания по делу возможно через:

- привлечение специалистов, которые работают с изъятной компьютерной техникой или почтовыми ящиками конкретных лиц;
- при обращении к провайдеру интернета, который способен через транспортные сети отследить сообщение и предоставить всю информацию;
- при обращении к оператору почтового сервиса, который может дать полную информацию по входящим и исходящим электронным сообщениям.

Для расшифровки полученных от оператора или провайдера данных следователю может понадобиться обращение к специалисту, так как они относятся по характеру происхождения к опосредованным данным и их исследование предполагает наличие специальных познаний [2, с. 61–68].

Уголовно-процессуальный закон предусматривает несколько процессуальных действий, связанных с обнаружением и изъятием информации, содержащейся на электронных носителях: в ходе осмотра (места происшествия или помещения, компьютера или смартфона как предметов); в ходе выемки информации, содержащейся на компьютере или смартфоне, проводимой в рамках обыска помещения или направленной непосредственно на поиск устройства; возможно применение контроля и записи переговоров, получение информации о соединениях абонентов и/или абонентских устройств в рамках запросов в компании, предоставляющих услуги доступа к Интернету.

В 2018 г. законодатель внес изменения в УПК РФ, исключив отдельный вид выемки – выемку электронных носителей информации, добавив ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий», распространив таким образом возможность работы с информацией в электронном виде в рамках любых следственных действий.

Однако новое понятие «изъятие» не получило аутентичного толкования. Под изъятием по-прежнему следует понимать элемент уголовно-процессуального принуждения, реализуемый в рамках имеющихся следственных действий, вид которых определяет следователь (дознатель) по своему усмотрению, руководствуясь основаниями и условиями, сложившимися в рамках расследования.

Также немаловажно отметить, что подготовка следователя не предполагает по умолчанию знания технической стороны изъятия электронной информации. Для преодоления этой проблемы необходимо разрабатывать методические рекомендации следователям, дознавателям, судьям по работе с электронной информацией, метаданными файлов и программным обеспечением. В настоящее время УПК РФ устанавливает лишь обязательное присутствие специалиста при изъятии электронной информации, оставляя при этом на следователя (дознателя) необходимость контроля за действиями специалиста и оценку полученных доказательств в целом.

Еще одним немаловажным фактором следует указать запрет на изъятие электронных носителей информации по отдельным составам преступлений, если изъятие может привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, за исключением прямо предусмотренных в законе случаев.

В этой ситуации единственным возможным вариантом действий следователя (дознателя) остается использование именно самой электронной информации, фиксируемой в ходе копирования или получения ответа по запросу, что подводит нас к выводу о необходимости детальной регламентации «электронного доказательства» и введения данной категории в УПК РФ.

Если по аналогии рассматривать другие процессы, например, арбитражный, то можно сделать вывод, что дискуссия об электронных доказательствах идет также давно и эффективно и уже нашла отражение в реальных решениях и практиках, в том числе и по вопросу о метаданных.

Так, при предъявлении в арбитражном процессе электронного документа как доказательства, его необходимо транспонировать в документ на бумажном носителе с обязательным распечатыванием всех служебных заголовков. Рациональнее данную информацию перепроверить через провайдера почты отправителя, то есть отправлялось ли вообще в такое-то время сообщение с таким ID, закреплено ли IP отправителя за его интернет-провайдером, назначался ли IP именно отправителю и т. д., и придать доказательству легитимный статус, удостоверив его надлежащим образом у нотариуса [8, с. 28–30].

Подводя итог исследованию следует отметить необходимость решения следующих задач:

- включить в состав доказательств в уголовном процессе понятие «электронное доказательство»;
- детально регламентировать свойства данного доказательства;
- разъяснить понятие «изъятие» электронной информации в уголовном процессе;
- ориентировать должностных лиц на работу с метаданными электронных сообщений участников уголовного процесса;
- разработать рекомендации по использованию полученной электронной информации в методике расследования и тактике проведения отдельных следственных действий.

Литература

1. Александров А. С., Кувычков С. И. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе. // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 76–84.
2. Бахтеев Д. В., Смахтин Е. В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Рос. юрид. журн. 2019. № 6. С. 61–68.
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов в 3 т. Т. 2. М. : Юристъ, 2001. 464 с.
4. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7. С. 74–84.
5. ГОСТ 7.70-2003. СИБИБД. Описание баз данных и машиночитаемых информационных массивов. Состав и обозначение характеристик. М. : Изд-во стандартов, 2004. 52 с.
6. ГОСТ Р 58546-2019 (ИЕС/PAS 62264-6:2016). Интеграция систем управления предприятием. Ч. 6. Модель службы обмена сообщениями : нац. стандарт Рос. Федерации : утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 20.09.2019 № 734-ст. М. : Стандартинформ, 2019. 86 с.
7. Зигура Н. А., Кудрявцева А. В. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России : моногр. М. : Юрлитинформ, 2011. 173 с.
8. Малинина Е. С. Электронное сообщение как доказательство по делу в арбитражном судопроизводстве // Администратор суда. 2009. № 2. С. 28–31.
9. Марфицин П. Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Вестн. Нижегород. Акад. МВД России. 2017. № 3 (39). С. 106–109.
10. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» : федер. закон Рос. Федерации от 06 июля 2016 г. № 374-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр.

Рос. Федерации 26 июня 2016 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 июня 2016 г. // Рос. газ. 2016. 08 июля.

11. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 08 июля 2006 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июля 2006 г. // Рос. газ. 2006. 29 июля.

12. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 158 с.

13. Балашов А. Н., Балашова И. Н., Бахтеев Д. В., Брановицкий К. Л., Вехов В. Б., Григорьев В. Н., Долганичев В. В., Зазулин А. И., Зайцев О. А., Зуев С. В., Максимов О. А., Медведева М. О., Овсянников Д. В., Овчинникова О. В., Пастухов П. С., Тушканова О. В. Основы теории электронных доказательств : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019. 398 с.

14. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов : сб. науч. ст. М. : Статут, 2017. С. 558–566.

15. Смахтин Е. В. Цифровые технологии и криминалистика: некоторые проблемные аспекты // Рос. юрид. журн. 2018. № 4. С. 78–83.

16. Смирнов В. Метаданные электронных документов. // ECM-Journal.ru. URL : <https://ecm-journal.ru/post/> (дата обращения: 20.04.2021).

17. Смирнов С. Метаданные: цифровые следы, которые мы (почти) не замечаем // Теплица социальных технологий. URL: <https://te-st.ru/2020/02/12/metadata/> (дата обращения: 10.04.2021).

18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05 дек. 2001 г. // Рос. газ. 2001. 22 дек.

19. RFC-822 : Standard for ARPA Internet Text Message. Revised by David H. Crocker, Dept. of Electrical Engineering, University of Delaware, Newark, DE. 1982. URL: <https://www.w3.org/Protocols/rfc822/> (дата обращения: 06.04.2021).

20. RFC 2822 : Internet Message Format. Ed. P. Resnick. April 2001. URL: <https://www.ietf.org/rfc/rfc2822.txt> (дата обращения: 06.04.2021).

Усольцева Н. А., Усольцев Ю. М.
Usoltseva N. A., Usoltsev Y. M.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННОГО ТРАНСПОРТА КАК ЭЛЕМЕНТА ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

PROBLEMS OF IDENTIFICATION OF HIGHLY AUTOMATED TRANSPORT AS AN ELEMENT OF THE TRANSPORTATION SYSTEM OF RUSSIA

В статье дана правовая характеристика и оценка перспектив правового регулирования высокоавтоматизированного (беспилотного) транспорта как элемента транспортной системы России. Исследуется вопрос соотношения высокотехнологичного и высокоавтоматизированного транспорта и возможные варианты его классификации.

The article provides a legal characteristic of highly automated (unmanned) transport, as an element of the transport system of Russia, and as a cyber-physical system, assesses the prospects for legal regulation of this category in the system of normative legal acts of Russia. The question of the ratio of high-tech and highly automated transport is investigated, the issues of possible options for the classification of highly automated transport are being studied.

Ключевые слова: высокоавтоматизированные (беспилотные) транспортные средства, высокотехнологичный транспорт, искусственный интеллект, правовое регулирование, ответственность.

Key words: highly automated (unmanned) vehicles, high-tech transport, artificial intelligence, legal regulation, responsibility.

Транспортная система любого государства – необходимая часть комплексной инфраструктуры, лежащая в основе экономического развития государства, для укрепления предпринимательских связей и усиления позиций государства на мировой арене. Функционирование транспортной системы основано, в первую очередь, на определении принципов государственного регулирования ее элементов и механизмов, а также на определении частноправовых принципов их использования в предпринимательской деятельности. Появление высокотехнологичного транспорта как правовой категории, использование его при оказании транспортных услуг неопределенному кругу лиц ставит перед государством вопросы идентификации категорий такого транспорта, определения принципов его функционирования и особенностей регулирования его использования, в том числе в гражданском обороте.

Термин «высокотехнологичный транспорт», к сожалению, является неструктурированным, причем не только в России, но в большинстве стран, что выражается в формулировании самого понятия. Оценивая нормативные правовые акты России и других стран, изучая позиции исследователей в данной сфере, можно встретить весьма разнообразные определения, например: «высокоавтоматизированное транспортное средство», «роботизированный автомобиль», «беспилотное транспортное средство», «автономное транспортное средство» и др. И отличия между этими понятиями выделяют далеко не всегда. Полагаем, что использование терминологии стоит четко увязывать с наличием в системе управления транспортного средства человека в любой ипостаси. То есть, например, это может быть оператор, управляющий транспортом удаленно, а может быть реальный человек, находящийся в транспортном средстве и подключающийся к управлению в нужный момент или полностью управляющий транспортом. Возможно, управление осуществляет искусственный интеллект, и человека в этой системе нет вообще.

Беспилотное транспортное средство ориентировано именно на последнюю версию, поэтому это определение подходит очень ограниченному виду транспортных средств. Кон-

цепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования [6], утвержденная в России, в большей степени склоняется к термину «высокоавтоматизированное транспортное средство». Полагаем, что «высокоавтоматизированное транспортное средство» по смыслу ближе к термину «беспилотное транспортное средство», хотя и несколько шире его. Для введения общего понятия, включающего и искусственный интеллект, и человека, и элементы роботизирования, предлагаем остановиться на термине «высокотехнологичный транспорт» как общей базовой категории и предусмотреть для него внутреннюю классификацию, исходя из видов транспорта, наличия и отсутствия человека и искусственного интеллекта. В этой ситуации высокоавтоматизированное (беспилотное) транспортное средство войдет в предложенную классификацию как вид высокотехнологичного транспорта.

Высокоавтоматизированное транспортное средство можно рассмотреть как транспортное средство, оснащенное автоматизированной системой управления без вмешательства человека. В свою очередь, автоматизированные системы управления рассматриваются как программно-аппаратные средства, осуществляющие управление транспортными средствами без физического воздействия со стороны водителя, с возможностью автоматического отключения при воздействии водителя на органы управления для перехода в режим ручного управления при необходимости, в том числе для предотвращения дорожно-транспортного происшествия [5; 3, с. 5–9].

Принимая, что искусственный интеллект можно рассмотреть как некую вариацию естественного интеллекта, необходимо осознание, что это все-таки система алгоритмов и компьютерных систем [8, с. 869–908]. Концепция исследования искусственного интеллекта склоняется к разделению его на две базовые категории: сильный искусственный интеллект (компьютеры могут приобрести способность мыслить и осознавать себя, как минимум, на уровне человека) и слабый искусственный интеллект (технологии не в полном объеме соответствуют человеческому интеллекту, а применяются узкоспециализированным образом) [7, с. 24.].

Современные изыскания и эксперименты с высокоавтоматизированным транспортом показывают, что полноценное функционирование такого транспорта возможно только в пределах штатной эксплуатации. Современные возможности искусственного интеллекта, даже сильного и осознающего себя на уровне человека, пока не предполагают качественной реакции в экстремальной ситуации. И это подводит нас ко второй проблеме, на которой стоит остановиться.

Категория высокоавтоматизированного (беспилотного) транспорта не может рассматриваться законом просто как транспорт. Уже доказано, что беспилотный транспорт, управляемый искусственным интеллектом – это киберфизическая система, обладающая интеллектуальными способностями и механизмами. В настоящий момент эти способности ограничены техническими возможностями и задачами, но развитие искусственного интеллекта предполагает и развитие самообучаемости и расширение перечня задач, и тогда беспилотный транспорт как киберфизическая система может оказаться уже в системе субъектов, а не объектов транспортных отношений.

Так, Е. Ю. Баракина в своем исследовании утверждает, что киберфизической является система, обладающая интеллектуальными механизмами принятия решений на основе интегрированных информационно-физических программных элементов с возможностью их исполнения, т. е. взаимодействия с окружающим миром [1, с. 70–73].

Начиная со времен Айзека Азимова, базовые законы робототехники в вопросах взаимодействия искусственного интеллекта с человеком не изменились: 1) робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; 2) робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат первому закону; 3) робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит первому или второму законам («Хоровод», 1942).

Выработка правовых принципов применения высокоавтоматизированного транспорта в России базируется на двух концептуальных идеях: обеспечении возможности создания и разработки искусственного интеллекта и одновременно соблюдении прав граждан, без-

опасности личности, общества и государства. Соединение этих принципов и базовых законов робототехники логичным образом приводит нас к вопросам об ответственности за вред, причиненный высокотехнологичным (беспилотным) транспортом, и вопросам его минимизации.

Морально-правовая и этическая сторона внедрения и использования высокоавтоматизированного (беспилотного) транспорта ставит вопрос о ситуации, когда искусственному интеллекту придется принимать решение о минимизации ущерба, заключающегося в количестве человеческих жизней. Может ли искусственный интеллект, даже если он отнесен к категории сильного и осознает себя на уровне человека, иметь моральное право принять решение, какое количество людей должно пострадать или погибнуть в конкретной ситуации (выбрать наиболее приемлемое количество жертв) и реализовать такое решение? Насколько такие алгоритмы могут быть заложены в логику искусственного интеллекта, каковы будут последствия выполнения алгоритма и сравнения ценности жизни конкретных людей? И какая ответственность в этой ситуации может быть возложена и на кого?

Для ответов на эти вопросы стоит обратиться к классификации высокоавтоматизированных транспортных средств с позиции автономности транспортного средства. К сожалению, стоит констатировать, что единой классификации высокоавтоматизированного транспорта не существует применительно ко всем средам его перемещения, но для автомобильного транспорта такая классификация была разработана и предполагает шесть уровней автономности (Advanced Driver Assistance System): от нулевого (где присутствуют только некоторые системы помощи в управлении и системы уведомления) до пятого (где участие человека может не требоваться вообще). В России разработана также классификация беспилотных авиационных систем, хотя точные критерии автономности здесь прописаны в меньшей степени [2], при этом понятие «автономное воздушное судно» не предполагает участие пилота вообще. Аналогичные исследования проводятся и в сфере автономности судовождения и автономности управления судоходством. Беспилотные (безэкипажные) морские и речные суда хотя и появились, но в этой сфере регулирование и классификация автономности пока носят больше характер концепта, так как международное морское право, например, не признает их и не принимает вариантов их использования на судоходных путях, но разработки в данном направлении идут постоянно. Аналогично и на железнодорожном транспорте, где существуют концепции беспилотных поездов и даже есть используемые беспилотные железнодорожные маршруты и экспериментальные площадки (в Дубае, Ванкувере, Сингапуре, Франции, России и других странах) [4, с. 20–28]. Внедрение высокоавтоматизированного (беспилотного) транспорта во всех средах перемещения предполагает разработку не только сильного искусственного интеллекта, но и колоссального количества нормативных правовых актов, регулирующих систему высокотехнологичного (беспилотного) транспорта.

Возвращаясь к вышесказанному о законах и принципах применения высокоавтоматизированного транспортного средства и формулируя моральную дилемму, необходимо опираться в первую очередь именно на уровень автономности транспортного средства. Наличие человека в процессе управления транспортным средством, в том числе как «дублирующей системы», позволяет применять нормы об ответственности гражданской, административной и даже уголовной на общих основаниях, фактически даже не поднимая вопроса об ответственности искусственного интеллекта.

До момента определения правовых условий и принципов функционирования высокоавтоматизированного (беспилотного) транспорта, необходимо построить модель системы, которая будет в итоге рассматриваться как его полноценное нормативное правовое регулирование, и в ее основу следует положить:

- 1) разработку и внедрение единой классификации высокоавтоматизированного (беспилотного) транспорта, возможной к использованию во всех средах перемещения и единообразной для международного и национального уровней регулирования;
- 2) разработку и внедрение системы стандартов функционирования и безопасности высокоавтоматизированного транспорта, особенно при полной автономии;
- 3) разработку и создание транспортной инфраструктуры, необходимой для использования высокоавтоматизированного транспорта, а также определение ее правового режима;

4) определение и нормативное закрепление мер ответственности за нарушение правил эксплуатации высокоавтоматизированного транспорта, привязав, например, уже существующие понятия и принципы гражданского и административного права к вновь создаваемым, тем более что в рамках этих отраслей ответственность юридических лиц уже закреплена;

5) определение и правовое закрепление мер уголовной ответственности за преступления с участием высокоавтоматизированных и особенно полностью автономных транспортных средств.

Ситуация в этом вопросе усложняется тем, что в России не существует института уголовной ответственности юридических лиц, а в данных преступлениях весьма сложно будет определить реальное физическое лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности (разработчик программного обеспечения, оператор транспортного средства, собственник транспортного средства и т. д.). Кроме того, остается вопрос о необходимости конструирования нового состава преступления с участием беспилотного транспорта с разработкой самих условий конкретного нарушения и причинно-следственной связи с наступившими последствиями либо о сохранении уже имеющихся составов с ориентированием на наступившие вредные последствия.

В общих чертах именно так видятся основные проблемы, с которыми может столкнуться государство при включении в систему нормативных правовых актов категории высокоавтоматизированного (беспилотного) транспорта как элемента транспортной системы России.

Литература

1. Баракина Е. Ю. К вопросу формирования перспективной терминологии в области правового регулирования применения киберфизических систем // Рос. юстиция. 2020. № 1. С. 70–73.
2. ГОСТ Р 56122-2014. Воздушный транспорт. Беспилотные авиационные системы. Общие требования : нац. стандарт Рос. Федерации. М. : Стандартинформ, 2015.
3. Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Маликов С. В., Чучаев А. И. Высокоавтоматизированные транспортные средства: угрозы информационной системе безопасности и правовая ответственность // Гос. власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 3–9.
4. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex russica. 2019. № 2. С. 9–28.
5. О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств : постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 (ред. от 22.02.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования : распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 г. № 724-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Franklin S., Graesser A. Is it an Agent, or Just a Program?: A Taxonomy for Autonomous Agents // Intelligent Agents III. Agent Theories, Architectures, and Languages. Berlin ; Heidelberg ; New York ; Barcelona ; Budapest ; Hong Kong ; London ; Milan ; Paris; Santa Clara ; Singapore ; Tokyo : Springer, 1997 // The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 24.
8. Luger G. F. Artificial Intelligence: Structures and Strategies for Complex Problem Solving, 2009 ; Ricci G., Alberto S. Artificial Agents in Corporate Boardrooms // Cornell Law Review. 2020. Vol. 105. Is. 3. P. 869–908. URL: <https://ssrn.com/abstract=3677627> (дата обращения: 22.04.2021).

Чарковская Н. И., Шарушинская О. В.
Charkovskaya N. I., Sharushinskaya O. V.

**ЧАСТНЫЕ И ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ПЛАТФОРМЫ «ЗНАЙ СВОЕГО КЛИЕНТА»: ОХРАНА И НАРУШЕНИЕ**

**PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN LEGAL REGULATION
OF THE “KNOW YOUR CUSTOMER” PLATFORM: PROTECTION AND VIOLATION**

В статье анализируется проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части организации работы по оценке риска вовлеченности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в проведение подозрительных операций и использованию этой информации». Авторы выделяют частные и публичные интересы, которые планируется защитить данным законопроектом, вместе с тем выделяют противоречия и пробелы в правовом регулировании, их нарушающие.

This article analyzes the Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in terms of organizing work to assess the risk of involvement of legal entities and individual entrepreneurs in conducting suspicious transactions and using this information." The authors highlight private and public interests that are planned to be protected by this bill. At the same time, they highlight contradictions and gaps in legal regulation that violate private and public interests.

Ключевые слова: знай своего клиента, банки, Центральный Банк Российской Федерации, частный интерес, публичный интерес, подозрительные операции, банковский счет.

Keywords: know your customer, banks, Central Bank of the Russian Federation, private interest, public interest, suspicious transactions, bank account.

В настоящее время банки обязаны соблюдать принцип «Знай своего клиента», который выражается и в том, что в своей ежедневной деятельности они изучают не только своего клиента, но и его контрагентов.

Если клиенту (далее – К) пришли деньги на расчетный счет от компании А (далее – А), а потом клиент отправил денежные средства компании В (далее – В), то банк обязан изучить деятельность компаний А и В и принять взвешенное решение о соответствии проводимых операций требованиям законодательства, в том числе Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [5]. Однако видеть, от кого пришли деньги компании А и к кому потом ушли от компании В, банк не может, если компания А и В являются клиентами других банков. Банковская тайна не дает возможность банкам обмениваться информацией о своих клиентах между собой. Таким образом, возникает проблема – банки не могут видеть всей цепочки прохождения платежей, следовательно, дать объективную оценку деятельности своего клиента и установить либо опровергнуть участие своего клиента в различных незаконных схемах, связанных с отмываем денег, добытых преступным путем, либо участие клиента в различных схемах оптимизации налогов, обналичивании денежных средств и т. п.

Всю цепочку операции клиентов банков Российской Федерации может видеть на сегодняшний день только Центральный Банк Российской Федерации (далее – ЦБ РФ), который располагает всеми юридическими и техническими возможностями. Операции в иностранных банках регулятор видеть не может.

Возможный вариант решения проблемы, который предложен ЦБ РФ, – это платформа «Знай своего клиента» (далее – ЗСК), по аналогии с международной системой КУС (know your customer), введение которой предусматривается проектом федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части органи-

зации работы по оценке риска вовлеченности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в проведение подозрительных операций и использованию этой информации» (далее – Проект-2) [4].

В пояснительной записке к Проекту-2 отмечается, что он «разработан в целях оптимизации подходов к применению кредитными организациями мер, направленных на противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также в целях защиты интересов добросовестных клиентов кредитных организаций» [2]. То есть законодатель намерен принять данный нормативный акт с целью защиты публичных и частных интересов.

Защищаемый публичный интерес:

- повышение эффективности «противолегализационной» деятельности кредитных организаций;
- повышение качества информационных сообщений, предоставляемых в Росфинмониторинг;
- снижение операционных расходов банков, так как проверке в основном будут подлежать высокорисковые клиенты.

Защищаемый частный интерес:

- снижение нагрузки на добросовестных предпринимателей за счет снижения ограничительных мер со стороны кредитных организаций;
- снижение расходов бизнеса на взаимодействие с кредитными организациями.

Первоначально система «оптимизации подходов» предусматривала разделение всех клиентов по трем уровням риска: высокий (красный), средний (желтый), низкий (зеленый), в связи с чем получила неофициальное название «светофор».

Однако первоначальный проект (далее – Проект-1) был отозван из Государственной Думы РФ в связи с противоречием законодательству [3]. О новой версии – Проект-2 – специалистами уже высказывается мнение, что изменения носят косметический характер [1]. Например, исключено цветовое обозначение групп рисков операций, но не устранены существенные противоречия действующему законодательству. Рассмотрим некоторые из них в регулировании публичного интереса.

Критерии отнесения клиентов к определенным уровням риска определяются ЦБ РФ по согласованию с Росфинмониторингом. В Проекте-2 указано, что «критерии основываются на информации о видах и характере деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, об операциях по их счетам в кредитных организациях, об учредителях и руководителях, об аффилированности с иными юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями, осуществляющими подозрительные операции, о количестве банковских счетов (вкладов, депозитов), а также информации, поступающей от федеральных органов исполнительной власти и иной информации» [4]. Имеются основания предполагать, что критерии будут иметь оценочный характер, что способствует формированию единообразной практики.

Кроме того, ранжировать каждого клиента по рисковым операциям также будет ЦБ РФ, т. е. устанавливать правила и применять их будет один и тот же субъект, что может привести к конфликту интересов внутри организации.

Интересно, что информировать юридических лиц и индивидуальных предпринимателей об отнесении их к группе риска будет ЦБ РФ в порядке и объеме, который устанавливает он же.

В Проекте-2 закреплено определение термина «подозрительные операции», под которыми понимаются «операции с денежными средствами или иным имуществом, предположительно совершаемые в преступных целях, в том числе в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, финансирования терроризма и финансирования распространения оружия массового уничтожения» [4]. Очевидно, что данное определение безгранично, практически любая операция может стать подозрительной, т. к. для этого достаточно предположения. При этом не уточняется, какой субъект правомочен делать такие предположения.

Несмотря на то, что ЦБ РФ ранжировал клиентов по рискам, банк имеет право самостоятельно определять группу риска своего клиента. Однако, учитывая все неблагоприятные последствия, с одной стороны, банку проще руководствоваться той градацией, которая определена ЦБ РФ, с другой – при оспаривании клиентом действий банка стороной спора будет

не ЦБ РФ, а конкретный банк клиента. Таким образом, банки оказываются в очень незавидном и всегда виновном положении.

Интересно, что в Проекте-1 «отказ кредитной организацией юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю в приеме на обслуживание, в выдаче остатка денежных средств на счете либо его перечислении на другой счет указанного юридического лица или индивидуального предпринимателя или на счет третьего лица при расторжении договора банковского счета (вклада) по инициативе юридического лица или индивидуального предпринимателя, по основанию, указанному в абзаце четвертом пункта 3 настоящей статьи, не является основанием для возникновения гражданско-правовой ответственности кредитной организации за совершение соответствующих действий» [3].

В Проекте-2 данной формулировки нет, но означает ли это, что указанные действия кредитной организации будут являться основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности?

Теперь о нарушениях в регулировании частного интереса. Клиент может оспорить действия банка в судебном порядке, предварительно должен соблюсти процедуру обращения в межведомственную комиссию, в состав которой входит ЦБ РФ и уполномоченные органы. При этом порядок и сроки рассмотрения заявлений и документов устанавливает ЦБ РФ по согласованию с уполномоченными органами. Данное обстоятельство ставит под сомнение законность принимаемых решений межведомственной комиссии, т. к. решающая роль в ней принадлежит ЦБ РФ. Совершенно непонятен порядок принятия и опубликования порядка рассмотрения заявлений в Межведомственной комиссии. Кроме того, обратиться в межведомственную комиссию клиент может только в течение 6 месяцев. Не совсем понятны последствия пропуска такого срока.

Учитывая, что кредитные организации самостоятельно определяют группу риска клиента, может возникнуть ситуация, когда один клиент в разных банках будет иметь разную группу риска.

В Проекте-1 предусматривалось, что при расторжении договора банковского счета с высокорисковым клиентом остаток средств необходимо перечислить в бюджетную систему РФ. Данное положение противоречит ст. 35 Конституции РФ, согласно которой имущество, находящееся в собственности граждан и юридических лиц, может быть изъято только на основании решения суда. Сейчас такого положения в Проекте-2 нет. Остается надеяться, что законодатель не вернется к прежней формулировке.

Какие недостатки правового характера видят в Проекте-2 кредитные организации?

1. Раньше высокорисковым клиентам предполагалось запретить любые расходные операции. Теперь же есть перечень разрешенных операций, а значит есть место для обхода закона, злоупотребления правом.

2. Неясен статус организаций, которые будут созданы после ранжирования ЦБ РФ. Видимо, они должны быть низкорисковыми. В течение какого времени ЦБ РФ определяет категорию риска?

3. Не прописана ответственность ЦБ РФ за определение уровня риска клиентов и последствия «неверного» его определения. Пока есть только ответственность банков перед клиентами за причинение вреда, в том числе возмещение убытков и упущенной выгоды. За «неверную оценку» степени риска ЦБ РФ ответственности не несет.

4. Банки превращаются в элемент карательной системы. При наличии уполномоченных органов банки принимают существенные решения относительно деятельности клиентов и обязаны отслеживать чистоту их деятельности.

Таким образом, приходим к выводу, что благие намерения по защите частных и публичных интересов при применении мер по противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма на сегодняшний день сформулированы таким образом, что противоречат законодательству или содержат пробелы в правовом регулировании.

Литература

1. Кошкина Ю. Банки увидели конфликт интересов в антиотмывочном «светофоре» от ЦБ. В чем риски нового подхода к борьбе с незаконными операциями // РБК. 2021. 15 марта. URL: <https://www.rbc.ru/finances/> (дата обращения: 06.05.2021)
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части организации работы по оценке риска вовлеченности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в проведение подозрительных операций и использованию этой информации : проект федер. закона. Текст документа по состоянию на 27.11.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2021).
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части организации работы по оценке риска вовлеченности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в проведение подозрительных операций и использованию этой информации». Текст документа по состоянию на 20.02.2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2021).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части организации работы по оценке риска вовлеченности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в проведение подозрительных операций и использованию этой информации : проект федерального закона. Текст документа по состоянию на 20.02.2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2021).
5. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.05.2021)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андриенко Анастасия Ивановна – преподаватель кафедры государственного и муниципального права, Сургутский государственный университет

Anastasiya I. Andrienko – Lecturer, Department of state and municipal law, Surgut State University

E-mail: andrienko_ai@surgu.ru

Белицкая Алёна Владимировна – заместитель начальника правового отдела, советник государственной гражданской службы Российской Федерации 3 класса, ИФНС России по г. Сургуту Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Alyona V. Belitskaya – Deputy Head of the Legal Department, Advisor to the Civil Service of the Russian Federation of the 3rd class, Inspectorate of the Federal Tax Service, Surgut

E-mail: alenabelitzkaya@mail.ru

Гребнева Наталья Николаевна – канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет

Natalya N. Grebneva – PhD (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Surgut State University

E-mail: nanaky2009@rambler.ru

Мизелифова Эльвира Абрудиновна – начальник отдела по изучению общественного мнения и производства контента, Муниципальное автономное учреждение «Ресурсный информационный центр Сургутского района»

Elvira A. Mizelifova, Head of Public Opinion Research and Content Production Department, Municipal Autonomous Institution "Resource Information Center of the Surgut Region"

E-mail: Elvira_mizelifova@mail.ru

Налбандян Елена Леоновна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права, Сургутский государственный университет

Elena L. Nalbandyan – Senior Lecturer, Department of Civil Procedure and Labour Law, Surgut State University

E-mail: elenanl@bk.ru

Попова Лариса Александровна – канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет

Larisa A. Popova – PhD (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Process, Surgut State University

E-mail: plawork@mail.ru

Сурихин Петр Леонидович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Pyotr L. Surikhin – PhD (Law), Associate Professor, Criminal Law Department, Siberian Federal university, Krasnoyarsk

E-mail: Peter.Surihin@mail.ru

Усольцева Наталья Андреевна – канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права, Сургутский государственный университет

Usoltseva Natalya Andreevna – PhD (Law), Associate Professor, Department of Civil Procedure and Labor Law, Surgut State University

E-mail: netali77@list.ru

Усольцев Юрий Михайлович – доцент кафедры уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет

Yuriy M. Usoltsev – PhD (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Process, Surgut State University

E-mail: yusoltsev@mail.ru

Чарковская Ноэми Ивановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права, Сургутский государственный университет

Noemi I. Charkovskaya – PhD (Law), Associate Professor, Department of Civil Procedure and Labour Law, Surgut State University

E-mail: charkovskaya-n@yandex.ru

Шарушинская Ольга Викторовна – директор филиала «СДМ-банк» (публичное акционерное общество) в г. Екатеринбурге

Olga V. Sharushinskaya – Branch "SDM-Bank" (public joint stock company) in Yekaterinburg

E-mail: ovsh-ek@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Статья и сведения об авторах должны быть представлены в разных файлах, которые передаются вложением в электронное письмо, отправленное по адресу: ys@surgu.ru. Название файла должно содержать фамилию автора (Иванов_статья.doc; Иванов_сведения.doc).

Все статьи проверяются на плагиат.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию статей, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Тип рецензирования – одностороннее слепое (анонимное) рецензирование (рецензент знает фамилии авторов, авторы не знают фамилию рецензента). По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

Редакция оставляет за собой право сокращения и редактирования статей. В случае направления рукописи на доработку исправленная статья (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю.

Для всех категорий авторов публикации бесплатны.

Все авторы должны предоставить **информацию о себе на русском и английском языках:**

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень (если есть);
- звание (если есть);
- должность;
- место работы (без аббревиатур);
- электронный адрес.

Образец оформления сведений об авторе

Иванова Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Сургутский государственный университет
Anna I. Ivanova – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University
E-mail: ivanova@mail.ru

В файле, содержащем информацию об авторе, также должны быть указаны:

- адрес с почтовым индексом;
- контактные телефоны;
- требуется ли печатная версия журнала (да/нет).

Образец

628412, Сургут, ул. Университетская, д. 7, кв. 32
89221234567

печатная версия журнала требуется

Объем статьи: от 10000 до 20000 печатных знаков (с пробелами), включая аннотацию, ключевые слова, библиографию и иллюстрации.

Структура статьи

1. Фамилия (полностью), имя, отчество (инициалы) автора на русском и английском языках (полужирным курсивом, по центру).
2. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима) на русском и английском языках (прописными буквами, жирным шрифтом, по центру). Точка после названия не ставится. Желательно, чтобы в названии статьи прозвучали ключевые слова по теме, это значительно повышает ее шансы быть процитированной.
3. Аннотация статьи на русском и английском языках (до 8 строк). Слово «аннотация» не пишется. Использование аббревиатур не допускается.
4. Ключевые слова (3-6 слов) на русском и английском языках.
5. Текст статьи (введение, основная часть, заключение).
6. Литература (пристатейный библиографический список источников, на которые автор ссылается в тексте).

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах должны быть переведены профессиональным переводчиком.

Образец оформления статьи

*Белоглазова Т.В., Ставрук М.А.
Beloglazova T.V., Stavruk M.A.*

**РАЗВИТИЕ ЛИНГВОГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ
ПОСРЕДСТВОМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ**

**STUDENTS' LINGVOHUMANITY CULTURE DEVELOPMENT
BY MEANS OF ACADEMIC MOBILITY**

В статье рассматривается формирование лингвогуманитарной культуры студентов через призму культурологического подхода. Особое внимание уделяется развитию социокультурной компетентности студентов, состоящей из социолингвистического, социально-психологического компонентов с учетом национально-специфических моделей поведения.

The relevance of this article is to consider the formation of lingvohumanity culture of students through the prism of cultural approach. Particular attention is paid to the development of socio-cultural competence of students consisting of sociolinguistic, socio-psychological components, taking into account specific national behavior.

Ключевые слова: лингвогуманитарная культура, академическая мобильность студентов, высшее образование, культурологический подход, лингвострановедческий компонент, коммуникативная деятельность.

Keywords: lingvohumanity culture, academic mobility of students, higher education, cultural approach, lingvoculture-study component, communicative activity.

Оформление статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Word, шрифт TimesNewRoman, кегль 12, интервал 1, абзацный отступ – 1,25 см, поля: верхнее 2,3 см, нижнее 2,4 см, левое 2,2 см, правое 2,2 см.

Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию. Использование цветных заливок и выделений не допускается. Все сокращения и аббревиатуры, кроме общепринятых, должны быть расшифрованы при первом упоминании. Единицы измерения даются в соответствии с Международной системой СИ.

На все таблицы, схемы и иллюстрации должна быть сделана ссылка в тексте с указанием их номера.

Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, иначе при изменении границ страницы элементы могут смещаться. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми. При создании таблиц и диаграмм в Excel обязательно прилагается исходный файл в формате .xls.

Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif, .jpg, .tif.

В диаграммах должны быть подписаны оси координат (при наличии), указаны единицы измерения, объяснены все условные обозначения. В подписях рисунков шрифт 10, жирный, точки нет, выравнивание по центру. В примечаниях к рисункам и таблицам шрифт 10, обычный, выравнивание по ширине.

Библиографические ссылки в тексте статьи выделяют квадратными скобками, указывая номер источника в списке литературы (например, [2]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер источника и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [10, с. 81]. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой: [1; 3; 14].

У каждой публикуемой научной статьи должен быть пристатейный библиографический список, содержащий сведения о других документах, цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи.

Источники приводятся в порядке цитирования.

На все источники, включенные в список литературы, должна быть сделана ссылка в тексте.

Образец оформления списка литературы и библиографических ссылок

Литература

1. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психолингвистика: теория речевой деятельности : учеб. пособие для студентов педвузов. М. : Астрель ; Тверь : АСТ, 2006. 319 с. (Высшая школа).
2. Парин С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и он-лайн сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml? page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).
3. Валукин М. Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М. : ГИТИС, 2006. 251 с.

4. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования : сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования ; под ред. А. Е. Марона. М. : ИОВ, 2007. 118 с.
5. Ефимова Т. Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.
6. Лешкевич И. А. Научное обоснование медико-социальных и организационных основ совершенствования медицинской помощи детскому и подростковому населению г. Москвы в современных условиях : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 76 с.
7. Канарский Д. И. Успех как механизм конституирования социальной реальности (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 23 с.
8. О рынке ценных бумаг : федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 марта 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 апр. 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 25 апр.

Библиографическая ссылка на издание, имеющее более трех авторов

9. Логинов С. И., Басова О. Н., Ефимова Ю. С., Гришина Л. И. Физическая активность человека как фактор адаптации к условиям Югорского Севера // Физиологические механизмы адаптации человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 октября 2010 г. Тюмень: Лаконика, 2010. С. 34–36.
Указываются фамилии всех авторов такого документа в том порядке, в котором они перечислены в исходном тексте.

Библиографические ссылки на архивные документы

10. Гушин Б. П. Журнальный ключ : статья // ПФА РАН. Ф. 900. Оп. 1. Ед. хр. 23. 5 л.
11. Розанов И. Н. Как создавалась библиотека Исторического музея : докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки РСФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.
12. Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381.
13. Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии : материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.
14. Лонгинов М. Н. Письма (9) С. Д. Полторацкому, 1857–1860 гг. // ОР РНБ. Ф. 603 (С. Д. Полторацкий). Д. 145. 15 л.
15. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 305. Л. 32–35. – Копия.
16. ЦГА Армении. Ф. 815. Оп. 1. Д. 27. Л. 13. – Мкоп. из лич. арх. Н. Н. Алихова.
17. Доклад начальника Главного управления по делам печати Н. Татищева министру внутренних дел, 1913 г. // РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 188. Л. 307. – Опубл.: Машкова М. В., Сокурова М. В. Из истории возникновения «Книжной летописи» // Сов. библиогр. 1957. № 47. С. 19.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№ 1 (47)
2021

Подписано в печать 30.06.2021 г. Дата выхода в свет 05.07.2021 г.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 4,8
Тираж 100. Заказ 201

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: наука, образование, культура»
(3462) 762-988

Отпечатано в Издательском центре СурГУ.

Адрес учредителя, издателя и типографии:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-31-79.

Цена свободная